

ОЛЬГА ВЕЧНАЯ
ПОЧУВСТВУЙ
Эта снава

Про чувства

Ольга Вечная

Почувствуй это снова

«Ольга Вечная»

2023

Вечная О.

Почувствуй это снова / О. Вечная — «Ольга Вечная»,
2023 — (Про чувства)

– Знаешь, наверное, не очень хорошо, что мы расстались как враги. Давай дружить? Я не видела Матвея, любовь всей своей жизни, месяц. Я умирала от боли, а теперь он сидит напротив и предлагает... дружить? После всего, что между нами было? – Давай, – выдаю с фальшивым восторгом. – Здорово! – Тогда может, сделаешь мне одолжение? Дружеское, – тут же поддавливает Матвей. – Какое именно? Он смотрит мне в глаза неотрывно. У него они хитрые, как у лиса из самых страшных сказок. По моему телу проносится дрожь. – Просто скажи: согласна или нет. Это секрет пока. Можно читать отдельно или как продолжение «Почувствуй». В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	34
Глава 10	37
Глава 11	41
Глава 12	45
Глава 13	48
Глава 14	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ольга Вечная

Почувствуй это снова

Всё вымышлено. Любые совпадения случайны

Глава 1

– Ты скоро, Любаш? – говорю я, плечом прижимая телефон к уху.

Получается довольно неуклюже. В одной руке тяжелый пакет с витаминами и косметикой, другой перебираю аккуратно развешенные на стенде платья. Ищу свой размер.

– Только закончила, Юль. Ты уже в ТЦ?

– Да, приехала раньше, нужно было забрать посылку. И мне тебя очень-очень не хватает!

– Папа обещал подбросить, жду его. Слушай, мы кофе поьем вместе или я домой заскочу перекусить?

– Э-э, нет. Давай вместе. А то ты через два часа только приедешь.

– Договорились. Займи столик.

– Выбрали что-нибудь? – громко спрашивает подкравшийся со спины консультант.

Я вздрагиваю от неожиданности. Телефон выскальзывает, и я едва успеваю его поймать в полуметре от плитки пола! Фух, повезло!

Поспешно выпрямляюсь, прячу мобильный в пакет.

– Ой, аккуратнее! Простите, не хотела пугать, – тушуетея девушка.

– Ничего, поймала. Я подружку подожду и обязательно примерю пару вариантов. У вас славные платья. Возможно, что-то мне подойдет.

– На вашу фигуру любое сядет хорошо. Какой-то особенный повод?

– Спасибо за комплимент. Да, день рождения.

Улыбаюсь девушке, после чего выхожу из отдела. Через три недели мне исполнится девятнадцать лет. Красивые цифры, не так ли? Может быть, в них дело, а может – в чем-то еще... но именно в этот день хочется быть неотразимой. Во всем идеальной, в каждой мелочи.

Я редко отмечаю свой день рождения. Так уж вышло, что мама родила меня первого января, мало кто вообще в эту дату вспоминает о моем существовании. У друзей и близких зачастую есть планы поважнее. Я учусь на втором курсе в техническом вузе, затяжные зимние каникулы у нас сменяются жестокой сессией, когда уж точно не до гулянок.

Но в следующем году все будет иначе. Абсолютно всё. Я твердо решила устроить настоящую вечеринку.

Смотрю на часы, прикидывая, чем бы еще заняться, пока жду лучшую подругу. Прогуливаюсь по первому этажу торгового центра, а потом направляюсь на фудкорт. Присаживаюсь за первый освободившийся столик, достаю сотовый и листаю страницы в соцсети.

От скуки поднимаю глаза, оглядываюсь. В воскресенье народу – пресс! Яблоку негде упасть. Повезло, что я нашла свободный стол. Пожалуй, подожду Любу здесь, она после художки голодная, наверное. Когда Люба пишет картины, она увлекается и может часами не есть.

Взгляд скользит по суетливым посетителям торгового центра. Где-то недалеко плачет ребенок, откуда-то справа доносится громкая детская песенка, слова которой я знаю наизусть, как и положено аниматору со стажем. Начинаю машинально шлепать губами, а потом резко замолкаю.

Потому что натыкаюсь глазами своими любопытными на слишком знакомые плечи. И спину слишком знакомую. Затылок, короткую стрижку... Моргаю.

Да ла-адно.

Все перечисленное, вкупе с высоким ростом и взрывным нравом, принадлежит Матвею Адомайтису, студенту медицинского вуза, самому горячему парню города. И по совместительству – любви всей моей жизни.

Кожу покалывает начинает везде, но особенно сильно – вдоль позвоночника. Это неконтролируемо. Реакция на Матвея не поддается планированию и хоть какому-то здравому

смыслу. Она больше месяца такая. Хотя нет, лгу. Поначалу я, как тряпка, сразу реветь начала, теперь хотя бы глаза сухие. Освоилась. А то ревела, дура, ревела! Едва о нем подумаю.

Думала я часто. Три года назад Матвей добился моей взаимности и мы начали встречаться. В этом ноябре страшно поссорились. Он заявил, что его любовь ко мне была больной, что он лечил ее как какой-нибудь сезонный грипп и наконец вылечил.

Больше месяца между нами ничего нет. Ноль общения. Ноль встреч. Ноль чувств.

Проголодался, значит. Зашел пообедать.

Подбираюсь вся.

Я планировала пригласить его на вечеринку по случаю своего дня рождения. Его и еще человек тридцать, чтобы было не очевидно.

Матвей об этом пока не знает. Он стоит с подносом в руках и напряженно оглядывается, ища свободное местечко.

Я же глазам своим не верю. Серьезно? Внезапная встреча именно сейчас? Когда у меня настроение было хорошим? Когда я по привычке все еще продолжаю вздрагивать от каждого сигнала телефона?

Рано.

Эту красную толстовку я дарила ему на прошлый Новый год. Матвей надевал ее от силы раза три, и то, чтобы мне приятно делать. Красный цвет ему не нравится, хотя идет безумно. И сегодня он в ней.

Глубокий вдох-выдох.

Матвей продолжает искать свободный столик, мне же внезапно хочется залезть под свой. Я не просто смотрю на него – я дышу с трудом. Матвей был моим первым. Он был моим всем. Он... сказал, что я болезнь и что он вылечился.

В следующую секунду Матвей оборачивается и наши глаза встречаются. Его брови взлетают вверх, я суетливо поднимаю руку и нейтрально улыбаюсь.

Не плачу. Умница.

Машу.

У него стрижка другая – затылок и виски гладко выбриты, лишь дерзкая полоса черных волос от лба до макушки. Если ладонью провести по отрастающему ежику, станет понятно, что он жесткий.

Глаза холодные никогда не позволят это сделать снова. А гордость не позволит попросить. Матвей чуть кивает и идет в мою сторону.

Зачем-то прямо ко мне.

Пара ударов сердца, и он рядом.

– Привет, ты одна? – спрашивает.

Голос. Я больше месяца не слышала его голос. Если бы кто-то прочитал мои мысли сейчас, решил бы, что я рассудком съехала. Мы не были семейной парой. Мы просто встречались. Никто не верил, что детская любовь перерастет в крепкое взрослое чувство. Так и случилось, мы разругались в пух и прах. Потом Матвей вылечился, а я заболела.

– Привет. Да, одна. А ты? – мой рот все это говорит, пока я посылаю телу команду «сохранять спокойствие любой ценой».

– Тоже. Не против, если присоединюсь?

Становится почему-то очень жарко в этом кардигане. Матвей все еще стоит и ждет разрешения. Я могу попросить его уйти немедленно.

– Конечно, присаживайся, – указываю на соседний стул.

– Супер. Я после тренировки только, голодный, сейчас сдохну. – Он опалает меня насмешливым взглядом.

Внезапно вспоминаю, как мы занимались любовью. Сердце заходится. Я ничего не забыла. Ни движения его, ни поцелуи.

Матвей ставит поднос на стол, плюхается напротив и принимается вытирать руки влажными салфетками. Между нами меньше метра. Очень сильно вдруг хочется пить, в его стакане холодная кола.

Матвей тем временем берет свой бургер, откусывает огромный кусок и начинает с аппетитом жевать. Рот наполняется слюной, но я лучше умру, чем попрошу попробовать. Он делает глоток колы.

– Как у тебя дела? – спрашивает перед следующей атакой на бургер.

– Отлично. Учусь, работаю, с друзьями встречаюсь. Как ты?

Матвей понимающе кивает. Закидывает в рот картошку.

– Тоже хорошо. Разрыв пошел нам на пользу.

Это выстрел в упор. Мне требуется секунда, чтобы соскрести остатки эго с пола и обольстительно улыбнуться.

– Видимо, так и есть, – кокетничаю. У самой внутри фейерверки черно-красные, кровавые.

На пользу ему пошел разрыв со мной?! Вот, значит, как?!

Матвей оперативно доедает бургер, пьет колу. Вытирает рот салфетками. Явно спешит.

– Не торопись, подавишься. Я тебя выгонять пока не собираюсь, – говорю снисходительно. Со смешком.

Он тоже посмеивается.

– Тебе, может, взять что-то? Или ты опять на диете?

– Я никогда не сидела на диетах.

– Да? Перепутал. Забавно, что вот так увиделись, – продолжает Матвей говорить. – Знаешь, наверное, не очень хорошо, что мы расстались как враги. Давай дружить?

Он протягивает руку.

А я на секунду теряю дар речи. Во-первых, я и не знала, что мы, оказывается, расстались врагами. Во-вторых, понятия не имею, что он вкладывает в понятие «дружба между мальчиком и девочкой».

Слегка прищуриваюсь. Пожимаю протянутую ладонь. Наши взгляды пересекаются. Шпаги на соревнованиях – не иначе.

– Давай, – выдаю я с фальшивым восторгом. – Здорово!

– Тогда, может, сделаешь мне одолжение? Дружеское, – тут же поддавливает Матвей.

– Какое именно?

Он смотрит мне в глаза неотрывно. У него они хитрые, как у лиса из самых страшных сказок. По телу проносится дрожь.

– Просто скажи, согласна или нет. Это секрет пока.

Глава 2

Взгляд Матвея скользит по моим губам, подбородку. Касается шеи. Он осязаемый, от него кожу покалывает крошечными иголочками. Я гашу порыв проверить, не осталось ли визуальных следов, и невозмутимо произношу:

– Мы слишком недолго друзья, чтобы делать друг другу секретные одолжения.

Кровь ударяет в лицо, аж щеки печет.

«Секретные одолжения»? Серьезно, Юля?!

Матвей смотрит на часы. Склоняет голову набок, чуть прищуривается. Потом пытается поймать мой взгляд, но я та-ак сильно интересуюсь проходящей мимо женщиной в ярко-зеленом костюме, что его попытки смутить терпят фатальный крах.

Во всем этом флирте я мало смыслу, не хватает опыта. Но и сдаваться без боя не планирую.

– Минуты три... – тянет Матвей. – Да, для секретных и правда пока рановато. Подождем полчасика?

Я усмехаюсь.

– Ладно, рассказывай, что хотел.

– Но ты согласна?

– Нет! – Выходит, увы, с восторгом.

Он качает головой и проводит по губам, как бы застегивая их на молнию. Но ведь так нельзя делать! Я уже заинтересовалась! Не удерживаюсь и хохочу вслух, а потом краснею еще больше. Когда мы в последний раз вот так шутили? Болтали о ерунде, подкалывали друг друга? Не помню.

Последние месяцы отношений были похожи на нескончаемое кровоупускание и испаривание нутра наживую.

А ведь именно с легкости у нас все и начиналось. Матвей ходил за мной по пятам, звал куда угодно, лишь бы побыть вместе. И болтал. Постоянно, без остановки, иногда полные глупости. Мне всегда было интересно.

– Ладно, говори, – сдаюсь. – Я не могу отказать своему хищному любопытству.

– Подарок нужно выбрать. А со вкусом у меня не очень. Поможешь? – говорит Матвей запросто.

Подарок? Губу прикусываю, чтобы она дрожать не начала. У меня день рождения скоро. Первого января. О нем всегда все забывали, кроме родителей и Матвея.

Ну что за дурочка! Он только рот открыл, а я уже всё себе вообразила.

– Звучит не смертельно. – Морщю лоб, размышляя. – Хорошо, давай.

– Круто. Идем?

– Да, минуточку.

Беру телефон и быстро печатаю: «Любаша, не приезжай, пожалуйста! Я с Матвеем».

Он поднимается с места, относит поднос. Мой телефон вибрирует.

«Что?!»

«Потом расскажу. Прости-прости».

Неудобно получилось, но Люба поймет. Она моя самая лучшая подруга, мы с десятого класса не разлей вода. А с тех пор как поступили в один вуз и попросились в одну группу, так и вовсе всюду вдвоем. Люба была свидетельницей зарождения наших с Матвеем отношений. И разрыва. Наверное, никто не знает о нас с ним столько, сколько она.

Я поднимаюсь, беру сумку, пакет свой тяжелый.

– Помочь? – Матвей протягивает руку.

– Нет, спасибо! – отказываюсь нервно. Прижимаю к себе витамины. – Мне нормально.

Он не настаивает. Мы покидаем территорию фудкорта, идем по широкому коридору торгового центра. Наверное, я должна чувствовать нечто сродни дежавю: мы тысячи раз вот так же шли за покупками. Но ничего подобного.

Всё иначе. Эмоции другие. То, что еще недавно казалось обыденностью, сейчас вызывает трепет и авантюрное предвкушение.

– Как поживает Римма Владиславовна? – спрашиваю я о его бабушке.

Родители Матвея погибли в автомобильной аварии семь лет назад. Ужасный несчастный случай: вылетели с трассы из-за сильного гололеда. С тех пор он был сам себе предоставлен. Моим родителям не нравилось, что Матвей торчит у нас каждый день допоздна. Они утверждали, что он плохо воспитан.

– Приходи в гости как-нибудь. Думаю, она будет рада, – нейтрально отвечает Матвей.

– Раз уж мы теперь друзья, то, может, и зайду. Как-нибудь, – добавляю абстрактно.

Мы минуем спортивные отделы и добираемся до рядов с ювелиркой. Я окончательно убеждаюсь: праздник не у какого-нибудь его брата. Пацанам из качалки брьюлики не дарят.

Матвей разводит руками и театральнo вопрошает:

– Куда дальше?

– Смотря что мы ищем, – уточняю я. – И какой бюджет.

– Думаю, цепочку с кулоном, – выдает Матвей, чуть поразмыслив. – Как думаешь, хороший подарок? – И смотрит. Смотрит. Смо-отрит, мать его, Господи!

Меня кидает в жар. Ручку пакета сжимаю крепче, ногти в ладонь впиваются. Однажды я подарила Матвею свой любимый кулон, который он потерял почти сразу. Я не сердилась ни капли – бывает. Он ведь не специально. Матвей сам переживал и пообещал, что однажды, когда разбогатеет, купит мне другой.

– Замечательный. А для кого?

– Для подруги.

Отворачиваюсь, мгновенно догадавшись, что мы сейчас будем выбирать подарок мне на день рождения. Ведь мы друзья, я теперь его подруга.

Опять же красная толстовка... Может быть, Матвей скучает?

Виду не подаю. Беспечно улыбаюсь и указываю на отдел.

– Давай вот здесь посмотрим. Цены нормальные, и мне очень нравятся их украшения. Стильные. Хотя, наверное, женщинам постарше они покажутся не очень. Твоей подруге до тридцати или больше?

– До.

Мы подходим к витрине, рассматриваем кулоны.

– Ничего в них не понимаю, – сознается Матвей, нахмурившись. – Если ей понравится, я буду твоим должником.

– Понравится обязательно. – Я подзываю жестом консультанта и указываю пальцем. – А можно вот этот посмотреть?

– Листочки? – скептически уточняет Матвей. Нависает, разглядывая, давит своей энергетикой.

– Да. Называется «этно-стиль», и он всегда в моде. Аккуратный листок на тонкой цепочке. Я бы такое носила на повседневку и с любой одеждой. Самобытно, оригинально. А на выход нужны бриллианты, Матвей.

– На бриллианты моей, пусть даже повышенной, стипухи пока не хватает, – отшучивается он. Веселится. Подкалывает. – А не простовато?

– Я люблю простоту и минимализм. Элегантно. – Потом спохватываюсь: – Думаю, твоя подруга тоже оценит.

Матвей глубоко задумывается. Между бровями проявляется морщинка. Его очерченные скулы напрягаются. Сомневается.

– Отличный выбор. Примерите? – предлагает консультант с энтузиазмом. – Некоторые украшения нужно смотреть именно на коже. Совсем другое впечатление, нежели на витрине.

Матвей медлит. Смотрит на часы, на кулон. Пожимает плечами. Я слышу его низкий голос над своим ухом:

– Думаю, можно.

Оборачиваюсь.

– Твоя подруга не ревнивая?

– Она мне доверяет.

Мы быстро выбираем тонкую цепочку, консультант нанизывает кулон. Передает ее Матвею, тот смотрит на меня выжидающе.

Ладно. Окей. Мы сделаем это.

Поворачиваюсь спиной и приподнимаю волосы.

Сердце колотится быстро-быстро, оно почти шумит, мне дурно. Надеюсь, Матвей не заметит, что волоски на шее стоят дыбом. А если заметит – пусть подумает, будто это от холода. Боже, я умру на месте, если он поймет, как сильно я нервничаю.

Кроме Матвея, никто не притрагивался ко мне вот так же. А он не делал этого более двух месяцев. Я распрямляю плечи.

Его дыхание касается моего затылка. А горячие пальцы – чувствительной кожи.

Глава 3

Остаток дня я на крыльях летаю. Энергия бьет ключом – столько дел успеваю переделать, что сама не нарадуюсь. Платье, правда, так и не купила, но это ладно: время еще есть.

Ничего особенного не произошло, но короткая встреча в торговом центре, после которой мы с Матвеем неуклюже попрощались и разошлись в разные стороны, – взбудоражила.

Я мысли свои даже и не пытаюсь упорядочивать, пусть хаотично бегают. Какую поймаю за хвост, ту и думаю. Надежда, обида, радость, гнев... всё смешалось и запуталось. У любви много оттенков и привкусов, эта ядовитая субстанция живет своей жизнью.

Телефон периодически проверяю, хотя знаю: Матвей не позвонит. Он не звонил полтора месяца, с той страшной ссоры ночью у парковки травматологии.

И бегать за мной больше не станет.

Четкое и ясное понимание этого однажды стало открытием, я очень долго вокруг него кружила, продиралась на ощупь, ничего кроме своей боли не чувствую. А потом, когда осознала, картинка сложилась и стала предельно понятной.

Мы разошлись навсегда.

И если помирился, то все будет иначе. И я не представляю – как это с ним, когда иначе.

Не помнила себя фантазеркой ранее, сейчас же часами могу, забившись в угол какой-нибудь и закрыв глаза, в голове прокручивать наши с Матвеем общие моменты. Вспоминать и будто бы вновь испытывать то, что я тогда испытывала. Чувствовать то, что чувствовала. Снова и снова, как наркоманка на игле. По кругу. Раньше черпала эмоции и вдохновение в книгах, больше они мне не требуются.

Я как раз в мыслях своих на «Черри» ночью к травматологии подъезжаю и, выпрыгнув из машины, вместо того чтобы начать орать, несусь к Матвею и обнимаю его руками и ногами, когда дверь открывается.

Мама заглядывает в комнату и говорит радостно:

– Юля, пойдем ужинать? У нас все готово.

Счастливая-счастливая!

– Да, мам, сейчас. – Я присаживаюсь и тоже улыбаюсь.

Быстро расчесываюсь, убираю волосы за уши, после чего направляюсь за ней в кухню.

Сегодня в нашей семье небольшой, но важный праздник. Двадцать лет назад мамаина лучшая подруга вышла замуж, и на ее свадьбе мои родители впервые увидели друг друга.

Мама была свидетельницей, а папа – обычным гостем. Он весь вечер «воровал» ее у свидетеля и выпрашивал танцы.

Забавный факт: я всю жизнь почему-то думала, что родилась через два года после знакомства родителей, что вполне пристойно. Пока Матвей не подметил, что познакомились-то они в декабре, а через январь родилась я. Год отношений в этот отрезок времени ну никак не втискивается. В моем мире тогда новые оттенки появились и впервые закралась мысль, что родители – живые люди, а не идеальные персонажи художественного фильма.

Мама, суетясь, накрывает на стол, отец разливает вино. Я беру бокал и говорю короткую душевную речь. Желаю счастья, долгих лет жизни. Безграничной любви.

Папа приобнимает маму одной рукой и широко улыбается. Эмоции наполняют меня и растягивают, как воздух – воздушный шарик. В последнее время этих эмоций так много, что едва справляюсь. Слезы на ровном месте на глаза наворачиваются.

– Я вас сильно люблю, – искренне заверяю. – Будьте очень-очень счастливы, мои хорошие. И простите меня, если что не так. Я честно стараюсь. – Сердце срывается в бешеное бие-ние. – И очень хочу, чтобы вы мной гордились!

Замираю в ожидании отклика. Мы никогда не признаёмся друг другу в любви, как-то не принято. Оно и так понятно: я их дочь, к чему пафосные фразы? Но, если мама скажет сейчас, что любит меня всегда и любой, я окончательно расплачусь и во всем сознаюсь.

– Мы тобой гордимся, Юль, – говорит мама. Ее глаза смеются. – Не всегда в последнее время, что правда, то правда. Но уверена, поводы еще появятся.

– Иди к нам, – зовет отец, неожиданно растрогавшись.

Я делаю вид, что отпиваю вино, после чего слушаюсь, и мы крепко обнимаемся.

У меня должен был быть братик, но мама потеряла его на большом сроке. Потом была череда неудачных беременностей. Я была маленькой и период тот помню плохо. Лишь слезы. Как мама плакала, а отец ее жалел. Месяц за месяцем. Почему-то казалось, что это из-за меня, и я плакала тоже, обещая себе, что никогда не подведу родителей.

Так хотелось, чтобы им меня одной для счастья было достаточно! Казалось, если я постараюсь сильно, если стану идеальной, они больше не будут грустить.

Потом мы ужинаем, болтаем обо всем подряд. Смотрим концерт по телевизору.

– Юля, вино совсем не понравилось? – в какой-то момент спрашивает мама.

– Очень хорошее. Но я ж не люблю алкоголь, ты знаешь, – кривлю губы.

– Всё правильно. Испорченный виноградный сок, ничего полезного в нем нет, – добавляет отец, забирая мой бокал и переливая содержимое себе. Тянется за бутылкой с соком.

– Вить, ты так говоришь, будто я водку в Юлю силком вливаю, а не спрашиваю про хорошее сухое вино. Ты себя не помнишь в восемнадцать лет? Пусть лучше дома попробует качественное. Чтобы понимать разницу.

– Маленькая еще, успеет распробовать, – отрезает папа.

А я пожимаю плечами, радуясь тому, что отец по-прежнему считает меня ребенком. Его ждет сюрприз.

Что ж.

Оказавшись в своей комнате, я больше по привычке проверяю телефон. В чатах сотни сообщений, но меня они мало волнуют. Кровь и без допинга несется по венам. Некоторое время бесцельно хожу по комнате, потом снимаю блокировку с экрана и выбираю из списка Диану Романовну. Когда она отвечает, сразу перехожу к делу и выпаливаю на одном дыхании:

– Я бы хотела предложить вам выпить кофе вместе. Давно не виделись.

Диана Романовна – наша с Матвеем бывшая учительница химии, через нее мы и познакомились. Потом она вышла замуж за старшего брата Матвея и тем самым осталась в наших жизнях навсегда.

– С удовольствием, Юля! Почему бы тебе не приехать ко мне завтра утром, например, часикам к десяти? Мы с Петей как раз погуляем. Потом можно кофе выпить.

– Спасибо огромное! Спасибо от всей души!

Сама не знаю, за что так горячо благодарю ее. Наверное, потому что после всего случившегося Диана не стала относиться ко мне хуже или игнорировать, как часто бывает со стороны родственников бывшего парня.

Следующим утром я немного нервничаю. Слова не могу подобрать правильные. Как бы так аккуратно расспросить про Матвея, чтобы не показаться навязчивой? Этот кулон, что мы вместе выбрали, не дает покоя. До дня рождения не доживу, мне сейчас знать нужно: для меня он или нет.

Машину после той аварии отец не дает, поэтому еду на автобусе. Выхожу на остановке и пишу Диане:

«Буду через пять минут».

«Юля, я задерживаюсь. Паша с Петей гуляют на площадке, подожди с ними, пожалуйста».

«Никаких проблем, я никуда не спешу».

Хороший здесь район: дорожки от снега расчищены, красиво, чисто. Кругом пандусы, с коляской можно и в магазин, и в подъезд без проблем заехать.

Я подхожу к нужному дому и замечаю на детской площадке, у снежной горки, двухлетнего Петра Павловича в желтой, вырвиглаз, куртке. Рядом с ним спиной ко мне стоит Паша. Он подхватывает сына на руки, усаживает на самый верх, бережно подстраховывает. Петя с визгом счастья съезжает вниз. Я невольно тоже смеюсь. Обожаю этого ребенка! На радостях подхожу ближе.

Когда между нами остается меньше десяти метров, мой шаг сам собой замедляется. Бред какой-то. Чем ближе я, тем меньше Павел на себя похож становится.

Беспокойно вглядываюсь в лицо Пети: может, перепутала и ребенок не тот? Мы редко видимся, дети израстают.

Да нет, тот ребенок. А его отец рядом – будто нет.

Рост, комплекция Паши. Но движется он иначе. Правда, тоже подозрительно знакомо.

Петя вновь скатывается с горки и заливисто хохочет, смачно хрюкнув. Лже-Павел подхватывает его на руки и крутит, тоже смеясь.

– Это что у нас за булкин розовощекий! – выдает голосом своего младшего брата.

Потом оборачивается и опаливает меня недоуменным взглядом, окончательно и бесповоротно превратившись в Матвея.

Глава 4

Мою голову «светлую» озаряет на первый взгляд блестящая идея, я тут же ей и следую. Быстро разворачиваюсь и поспешно иду в противоположную сторону. Потому что не планировала видеть Матвея сегодня, не настраивалась, не готовилась к противостоянию! Я приехала поплакать у Дианы на плече.

Знакомый голос рубит наповал вопросительной интонацией:

– Юля?

Стыд-то какой! Уши гореть начинают. Я решаю стоять на своем и припускаю быстрее.

– Юля, это же ты! Стоять! – летит вслед обличительно.

Блин! Ну да, заметил-узнал. Я оглядываюсь и делаю вид, что искренне удивлена.

Губы Матвея кривит такая насмешливая улыбка, что хочется запустить снегом! Я беру комок побольше, но не леплю снежок. Вместо этого потираю ладони, остужая пыль.

Сама понять пытаюсь, готов ли Матвей к этой встрече. Если да – значит, он ее и организовал. Если нет, то мог подумать, что... ее запланировала я!

От возмущения захлебываюсь. Диана Романовна, я вам доверяла вообще-то!

Ноги наливаются свинцом, а сердце совершенно бесполезно усиленно качает кровь по венам. Как с такими ногами бежать-то? Для чего мне сейчас адреналин?

Мы видимся второй раз за два дня, и я вновь без парадного платья. Кто вообще наряжается на завтрак к подруге? Да и бессмысленно: пуховик сверху скрыл бы любую красоту.

Понимая, что бежать уже совсем глупо, а оправдываться унизительно, я улыбаюсь широко и перехожу в нападение:

– Что ты здесь делаешь? Следишь за мной?

Секунду в глазах Матвея отчетливо читается изумление. А потом даже, кажется, мелькает искра восхищения. Хотя, может, я ее себе придумала.

И да, я в курсе, что здесь живет его брат. И Матвей, разумеется, знает, что я в курсе.

Он усмехается и отвечает:

– Не помню, чтобы мы вызывали Петру аниматора.

– Зачем аниматор с такой-то няней? Вообще-то мы договорились с Дианой кофе попить вместе. Где, кстати, она?

– Ногти пилит, а Пашку вызвали в клинику.

Я подхожу ближе, присаживаюсь на корточки и здороваюсь с Петром. Тот дует губы, темно-карие фирменные глаза Адомайтисов становятся серьезными – мыслительный процесс идет полным ходом. Пётр вглядывается в мое лицо, пытаюсь вспомнить, где раньше эту тетю видел. В итоге принимает решение одолжить мне лопатку для снега. Делает несколько шагов, после чего заваливается набок и впечатывается с размаха носом в пухлый снег! А потом начинает орать.

– Да твою ж мать, чувак! – искренне сокрушается Матвей, доставая племянника из сугроба.

Его голос, интонации, недоумение на лице – сплошные удары дежавю из прошлого. Болезненные.

Матвей торопливо счищает снег, подхватывает племянника на руки и крепко-накрепко прижимает к себе.

Качает.

Я не знаю, куда руки деть и самой деться. Петя обнимает дядю за шею, а я... смотрю на двухлетнего Адомайтиса и не могу справиться с откуда-то возникшим комом в горле.

– Пашка мстит за времена, когда ему пришлось со мной нянчиться. Вот, подкидывает своего, – отшучивается Матвей. Смачно чмокает племянника в лоб, потом добавляет: – Ну

всё, заяц, неприятно, но бывает и хуже. Уж поверь мне. По асфальту мордой побольнее будет. А твой папаша однажды меня толкнул так, что подбородок шили. Господи, как я орал. Маме еще долго тот случай вспоминали.

Петру плевать на то, что его дядю елозили мордой об асфальт. Ему плохо, и он по-мужски эгоистично перетягивает все внимание на себя.

– Да где же твоя мама, а? – сокрушается Матвей, оглядываясь.

– Ему холодно, может, снег попал за шиворот, – предполагаю я.

– Да, пора домой.

Матвей, не отпуская Петра, ловко собирает разбросанные лопатки, я же решаю не мешать и иду к лавочке.

– Ты куда? – окликает он меня.

– Пройдусь, пожалуй, пока Диану жду.

Матвей смотрит мгновение в ступоре.

– Пошли домой, чаем напою. Не бойся, не обижу. – Потом продолжает, ехидно усмехнувшись: – При ребенке же, за кого ты меня принимаешь.

– Я и не боюсь. Мы ведь друзья. Просто не хотела смущать.

– Ты нас не смущаешь, Юля.

Мы идем к подъезду, потом втроем поднимаемся в лифте. Если бы не затяжной рев Петра, мы могли бы, наверное, почувствовать неловкость. Но этот ребенок прекрасно разряжает атмосферу и взрывает перепонки.

На лестничной площадке я жду, пока Матвей по-хозяйски открывает входную дверь, затем галантно пропускает меня вперед. Ставит притихшего мальчика на пол, присаживается на корточки и начинает его раздевать. Я тоже расстегиваю пуховик, разуваясь. Тру заледеневшие, покрасневшие руки. Дискомфорт терпим, главное, что холод помог унять разволновавшееся сердце.

– Ты неплохо справляешься с ролью дяди, – говорю с улыбкой, проходя по квартире и рассматривая обстановку.

Мы нечасто здесь бывали с Матвеем, когда встречались. Обычно семейные сборища Адомайтисов проходили в квартире Мота, там значительно больше места.

– Спасибо. Пришлось встать ни свет ни заря в воскресенье, ноготочки ведь не могут подождать.

– Ты будто бы не в духе. Что, кулон твоей подруге не понравился?

Матвей мешкает ровно секунду, но я ее замечая и вспыхиваю как спичка!

– Я еще не дарил.

– Ясно.

Пётр, кое-как успокоившись, забирается на диван и требует мультики, я беру пульт и листаю каналы. Матвей ставит чайник, который медленно закипает. Очень-очень медленно.

Через пару минут Дианы все еще нет. Я продолжаю возиться с пультом, восхищаясь игрушками Петра, что валяются всюду. А потом внезапно чувствую на себе пристальный взгляд. Прямой, наглый. Вновь физически ощутимый. Поднимаю глаза.

Матвей рассматривает меня с каким-то мрачным любопытством.

– Что?

– Ты поправилась или это пушап такой?

Темные глаза впиваются в мою грудь, обтянутую черной водолазкой. Кожа тут же будто чувствительней становится, ткань давит на соски, колет, мешает – хочется сорвать. Я мгновенно жалею, что не надела белье. Старые лифчики уже пару недель как натирают, а новые еще не купила. И да, грудь действительно выросла на полтора размера.

– А нет, не пушап, – добавляет Матвей, мазнув глазами по соскам.

Тело реагирует так, словно он сделал это языком. Я сглатываю. Сама скрываю, прячу эмоции.

– Если тебя интересует именно эта часть тела, то она у меня все еще продолжает увеличиваться. Это нормально.

– Стало лучше, чем было.

– Спасибо. Не представляю, как с таким набором комплиментов ты найдешь новую девушку. Предыдущая к тебе, видимо, была излишне лояльна.

– С девушками точно нет проблем, – бросает он небрежно, а потом он круто меняет тему. – Странно вот так разговаривать, да? Паша сказал, что с бывшими нужно поддерживать нейтральные отношения, это типа разумно и правильно. Паша недавно стал спецом в отношениях, если ты не в курсе. Всегда норовит дать совет. Он все время забывает, что я присутствовал, когда Диана удирала из его прошлой квартиры в слезах.

– С Лидой он вроде бы совсем не общается. Боюсь, Диана ему весь мозг бы склевала.

– Да, – смеется Мот. – Кстати, я видел Лиду недавно в ночном клубе. Заявила, что я изменился. Из мелкой пакости превратился в большую ошибку. Попыталась склеить.

– Да ладно!

– Она была пьяной.

– А ты?

Матвей пожимает плечами:

– Я тоже.

Он вновь мажет глазами по моей груди, потом по животу. Отворачивается и занимается чаем. Я опускаю глаза, закусываю губу. Может быть, сказать ему прямо сейчас?

Пару мгновений пытаюсь понять, как буду себя чувствовать, если он расстроится, и смогу ли с этим справиться. Ребенка я решила оставить. Объявить об этом всем – пока нет.

Подхожу ближе. Встаю рядом.

Матвей поворачивается и смотрит на меня. А я на него. Можно ли встречаться с пятнадцати лет, а потом разлюбить за месяц?

Матвей заваривает чай в стильном прозрачном чайничке. У Дианы всё так славно, красиво, удобно. Кухню тут же наполняет аромат мяты и клубники.

– Иногда я по тебе скучаю, – говорю тихо. Искренне.

Это правда, и сказать обратное было бы ложью, причем совершенно неважно, при каких обстоятельствах мы расстались.

Матвей достает две чашки, в обе кладет сахар. Персонажи в мультике Петра начинают хором петь. Мое сердце колотится. Жаль, тут нет снега.

– А ты? – спрашиваю.

Он молчит. Молчит, молчит. А когда начинает говорить, – хрипло, достаточно резко, чтобы мне захотелось исчезнуть, – на меня совсем не смотрит:

– Ты целовалась с каким-то левым мужиком.

Матвей передергивает плечами, будто его коснулось что-то неприятное, скользкое, липкое.

– Я знаю. Это была ошибка. И я бы хотела, чтобы ты меня простил. Не как девушку, а как друга.

Он качает головой.

– Совершенно неважно, скучаю ли я. И скучаешь ли ты, Юля.

– Просто знай, что я об этом жалею.

– Не говори со мной на эту тему больше.

Матвей берет обе чашки и ставит на стол. Щелкает дверной замок, входная дверь открывается. Это Диана или Павел.

– Почему? – спрашиваю, нахмурившись. С вызовом.

- Пожалуйста.
- Иначе что, Матвей?
- Иначе мы вновь станем врагами. И на этот раз ты заметишь.

Глава 5

Пётр спрыгивает с дивана и пулей несется в прихожую. Перебирает ножками со скоростью света.

Мы с Матвеем, не сговариваясь, оба улыбаемся. Ну какой же забавный мальчишка получился! Нам нужен, просто необходим этот ребенок, чтобы разрядить обстановку. Придется таскать его на все встречи, если они будут.

Хотя... у нас же скоро появится свой собственный!

Или пока рано шутить на эту тему?

– У Петра установлен внутренний локатор, настроенный на мать. Если Диана где-то поблизости, пацан ее чувствует, – говорит Матвей чуть мягче, чем до этого. Но по-прежнему резковато.

Я нервно смеюсь.

– Это у всех мальчиков, наверное. Сначала по отношению к мамкам, затем к подругам.

– У Адомайтисов точно, – парирует он. И бубнит себе под нос: – Хер его потом, блть, отключишь.

У меня волосы на коже дыбом поднимаются.

Диана или... Диана Романовна – я ее то так, то эдак, – пищит от счастья при виде сына. Шумно раздевается, разувается.

А мы с Матвеем оба как-то внезапно понимаем, что находимся в кухне вдвоем. Он делает несколько шагов в мою сторону и оказывается опасно близко. Смотрит вниз. На свои носки или на мою грудь – уж не знаю. Лично я плююсь на его подбородок.

Матвей тянется рукой к шкафу, что расположен за моей спиной, достает оттуда пакет с печеньем. Потом отходит и кладет его на стол.

– Угощайся. Тут сушки.

– Мог бы попросить, я бы отошла, – говорю я, все еще чувствуя аромат его туалетной воды.

Которую сама для него выбирала год назад. На коже Матвея она раскрывается по-особенному.

Диана наконец заходит в просторную кухню. Держит Петра на руках и излишне широко улыбается.

– Приветик! О, вы чай заварили, какие молодцы! Я торопилась так сильно, аж бежала! – неловко посмеивается она. – Руки были в лампе, и я не прочитала Пашину эсэмэску, что он ненадолго отъедет в клинику. Пациенты приехали из другого региона, нужно было срочно посмотреть... У вас всё хорошо, ребята?

Энтузиазм Дианы Романовны бьет ключом, как обычно. На ее занятиях по химии всегда было интересно. Но ситуация, в которой мы оказались в данный момент, конечно, рядом не стояла.

– На два слова, Диана, – жестко говорит Матвей.

Равнодушно проходит мимо нас обеих и направляется в комнату.

Диана смотрит на меня, округлив глаза и не скрывая паники. Она вообще очень настоящая во всем. Я же поджимаю нижнюю губу, которая начинает дрожать.

Мешаю. Я ему мешаю.

Делаю знак, дескать, идите.

– Юлечек, девочка моя, подожди, пожалуйста. Я быстро буку этого выпровожу, и поговорим. Хорошо? Он печенье достал Петино, а у меня такой зефир там припрятан... ммм! Сейчас дам.

Я киваю. Диана уходит в комнату, плотно закрывает за собой дверь. Я остаюсь одна. Медлю недолго. Мелькает мысль одеться и сбежать по-быстрому, но если я так сделаю, то вернусь туда, откуда начала. То есть в полную неопределенность. А мне нужно понять, как жить дальше, спланировать будущее.

Когда родители узнают о беременности, будет скандал. Я очень надеюсь, что смогу скрывать свое положение до момента, когда уже нельзя будет делать аборт, иначе они жизни не дадут. Тогда мне понадобится план Б. Как бы там ни было, никому на свете я не нужна, кроме мамы с папой. Так что, возможно, на какую-то моральную поддержку смогу рассчитывать.

Делаю глоток чая. Сладко. На сахар Мот не поспешил, как, впрочем, и на угрозы.

Дианы и Матвея нет минуты две. После чего дверь в глубине коридора открывается. Матвей выходит и быстрым шагом проносится в прихожую.

Я так и сижу на своем стульчике, ноги подогнула. Сладость чая на языке кажется неуместной.

Матвей возвращается и говорит мне торопливо:

– Я поехал по делам. Опаздываю уже. Пока, Юля.

– Пока, Матвей. Римме Владиславовне привет! – отвечаю весело. Даже машу рукой с улыбкой.

– Передам, ага.

Позади него появляется Диана с Петей на руках. Мальчик обнимает мать так, словно они полгода не виделись, а мы с дядей Мотом над ним жестоко измывались все это время.

Хлопает входная дверь. Диана смотрит на нее секунду, потом переводит глаза на меня. Вежливо улыбается и заходит в кухню.

О чем же они говорили?

Диана присаживает Петра на диван, переключает мультики. Потом берет чашку Матвея.

– Это мне чай?

– Матвей себе делал, но он не пил еще.

– Ясно. – Она делает глоток и морщится. – Как сладко. Однажды у него попа точно слипнется, – посмеивается. – Ну да ладно. Пойдет.

Диана достает зефир, пастилу. Потом присаживается рядом. Ладонями обнимает чашку, греясь после улицы. Глядит на меня. Затем спрашивает:

– Ну как ты справляешься, ребенок мой?

Участие в ее голосе становится тем самым рубежом, который я взять никак не могу. Быстро вытираю непрошенные дорожки из слез.

– Нормально. Вот приехала Петю повидать. Соскучилась. Он меня не сразу узнал, представляете? Нужно чаще видеться.

Диана смотрит внимательно. Ждет ответ на свой вопрос.

– Он сказал, чтобы вы больше меня не звали, да? Он для этого отвел вас в сторонку?

– Нет, – Диана качает головой. – Не для этого, конечно. У него там свои дела с Пашей.

– Кажется, он меня ненавидит.

– Нет, Юлэк. Не совсем так.

– А как же?

Она задумывается, подбирая слова.

– Раз уж мы говорим откровенно... У Матвея очень бурная фантазия. Я не совсем понимаю, что между вами случилось, но он вроде как... уверен, что ты была с другим, а потом с ним. И все это еще и за один вечер.

– Боже... – Тру лоб. – Это не так. Не была я ни с кем! Допустила ошибку, короткий поцелуй во время танца, о котором сто раз уже пожалела. Он вообще ничего для меня не значит. И Костя мне не нравится. Я ему так и сказала потом, что люблю своего парня.

– Уязвленное мужское самолюбие – вещь жуткая. Некоторые мужчины... – Диана прочищает горло. Кажется, ей самой говорить непросто. – Начинают мстить женщине. Жестоко. Это мелкие люди, недостойные. Но ты должна понимать, что такие есть. И всегда быть настороже.

– А Матвей?

– Он мстит самому себе. Кстати, весьма умело.

Глава 6

Матвей

Я стою на лестничной площадке и напряженно жду, пока приедет лифт. На входную дверь плююсь. Так просто вернуться назад, дернуть за ручку, потянуть на себя. Просто и архисложно одновременно.

Пульс долбит. Душно здесь.

Подойти, открыть хренову дверь, позвать громко. Сама ведь никогда не выбежит.

Язык прикусываю до боли и металлического привкуса. Отворачиваюсь.

Двери лифта как раз разъезжаются, в кабине никого. Я захожу внутрь, и, едва железная коробка трогается, за голову хватаюсь.

Бля-я-ять! Это вообще не проходит. Месяц уже, а только хуже становится. Волнами накапывает. То часто лихорадит, то реже, но если второе, то каждый раз с головой накрывает и в море безумия утаскивает.

Сглатываю. Я видел такие же отношения у Паши с его бывшей, Лидой. Когда она издевалась над ним, он понимал всё, но упорно перся обратно. Он выбрался, и я выберусь.

Как болезнь какая-то.

И что вообще значит «иногда я по тебе скучаю»? Я не понимаю такого, можно мне как-то популярнее пояснить? Сноску сделать.

Какой-то плевков в спину.

Вроде не дурак, учусь в медицинском на бюджете, стипендию повышенную получаю, преподы хвалят. Химические и электрические импульсы между нейронами фигачат в норме. Но, видимо, когда дело касается Юли, тормозные синапсы преобладают, иначе как объяснить перманентное недоумение и ступор на все ее слова и действия.

Иногда она по мне скучает.

Пздц. И что мне с этой информацией делать?

Я выхожу из подъезда и закуриваю. Назад дороги нет точно. Это просто издевательство над самим собой. Клубок из ошибок неподъемный. Не стоит и пытаться туда лезть пальцами кривыми, иногда еще и дрожащими.

Но так Юлька смотрит... Как же она в глаза мне смотрит каждый раз... Как раньше.

Вдох-выдох. Еще одна глубокая затыжка, чтобы занять себя чем-то. Взбодрить или, напротив, замедлить. По фи-гу. Лишь бы не так, как сейчас.

Пройдет время, и станет легче. Так же было, когда родители погибли. Я первые полгода после этого вообще помню плохо. Потом что-то начал соображать потихоньку. Ситуации совершенно разные, но проблема в том, что этот месяц тоже стерся из памяти.

Юля когда смотрит на меня вот так же преданно, когда ее дыхание при моей близости сбивается, кажется, что можно дать нам еще шанс. Самый последний. Самый-самый, блть, куда-еще-дальше-то-унижаться, последний шанс.

Потом вспоминаю причину разрыва и швыряет в пот.

– Матвей! Эй!

Слышу голос брата и оборачиваюсь. Павел торопливо идет от парковки в мою сторону. Тушу окуроч, аккуратно выбрасываю. Он сам курит, но я при нем – нет. Это наше какое-то негласное правило.

– Где Пётр?

– Он с Дианой и Юлей. Они дома чай пьют.

Паша понимает ситуацию мгновенно. Его глаза сужаются, цепко оценивают мое состояние.

– С Юлей? – переспрашивает он. – А, точно, Диана же говорила, что они собирались увидеться. Нормально всё?

– Да. Пётр у меня в снег свалился. Порыдал немного, но успокоился. Я не углядел, сорри.

– А с Юлей как вы?

– Нормально. Но больше так не делайте. Или хотя бы предупреждай заранее.

– Диана с ней поговорит, я потом тебя наберу, если что-то важное.

– Не надо.

Паша молчит пару мгновений.

– Ты сейчас куда? Пойдем к нам, пообедаешь. Диана обещала что-то вкусное сварить.

– Не, спасибо, у меня всё есть.

– Кому ты лечишь? Бабуля уже больше месяца не готовит.

– Я сам готовлю. Правда, спасибо, но я поеду уже. На самом деле спешу.

– На завод?

– Да.

Павел качает головой укоризненно. Ему мой план не нравится.

– Всё нормально, я вывожу. Ну, может, на тройки закрою эту сессию. Но закрою.

Серьезно.

– Ладно. Машину надо? – Паша достает брелок из кармана и протягивает мне.

Ого! Беру, в кулаке прячу поспешно.

– Когда вернуть?

– Когда совесть замучает, – улыбается он. – Я приеду к вам с бабулей завтра после работы.

Сегодня с семьей хочу вечер провести.

– Без проблем. Спасибо, – киваю я. Хлопаю брата по плечу и иду в сторону машины.

Падаю в «Мурано», завожу еще не успевший до конца остыть движок. Радио включаю, но отчего-то бесит, поэтому выключаю практически сразу же.

Сажу, руль поглаживаю. Приятно, конечно, кожу руками чувствовать. На этом приятное на сегодня заканчивается.

Потому что всё, конец. Больше ничего с Юлей не будет никогда. Не смотреть на нее, и со временем успокоится. Павел встретил Диану и втрескался. Я на кого ни посмотрю – они все стремные. Не понимаю, как втрескиваться, если они не дотягивают.

Мозг как-то неправильно работает, иначе чем объяснить, что меня упорно в прошлое тянет.

Да-а, не повезло в том, что моя бывшая – самая красивая девочка на свете.

Чувствую, как кровь к лицу приливает, и нажимаю на кнопку «Двигатель старт». Хватит сопли жевать, пора действовать. Машина трогается, я касаюсь ногой педали и усмехаюсь, вдруг вспомнив вытянутое лицо Виктора Арсеньевича, Юлиного папаши, который меня ненавидит.

В ноябре Юля его машину основательно поцарапала, мы с ней ругались, и я тогда взял вину на себя. Юлю домой отправили, я молча стоял, готовясь к последствиям. Виктор Арсеньевич же внезапно произнес:

– Seriously? Ты хочешь, чтобы я поверил, будто ты педали перепутал? Я похож на идиота?

– Я выпил.

– И че?

Стало неловко. Отступить я не привык, поэтому продолжил:

– Ну вам же прикольно будет меня прав лишить и ремонт повесить. Энджой. Второго шанса не будет, действуйте.

Он громко расхохотался. После чего сказал:

– Ей нужно учиться брать ответственность за свои ошибки на себя. А ты ей в этом упорно, год за годом, мешаешь.

– Она не виновата.

– Тогда не ной.

Страховка всё погасила. Мы же с Виктором Арсеньевичем вместе вышли из участка, Юлин отец предложил перекусить, а заодно пообщаться. Я согласился.

Взгляд у нее сегодня был напуганный, интересно почему.

Тут же обрываю себя. Не мое дело больше.

Назад дороги нет и не будет. Я просто... сам не понял, как так вышло. Увидел Юлю в подготовительной школе в шестнадцать лет, и всё. Просто сразу в один момент, аж дыхание сбилось и волосы дыбом встали. Она ждала подружку у женского туалета и держала в руках две тяжелые сумки с учебниками. От нее будто свет исходил – такая яркая и нежная. Я подошел, она дерзко буркнула, что тут очередь. Я ответил, что на женский туалет не претендую.

Юля сделала вид, что искренне удивилась, и отвернулась. Я охренел от такой наглости. Подумал: «Ну что за выдра! Будет моей теперь».

Она просто... ну не знаю, особенной показалась. Я ей всё прощал – отказы, высокомерные взгляды, насмешки. Воодушевляло то, что с другими Юля так же себя вела. Эту крепость нужно было взять любой ценой. Чуть позже, на первом свидании, вообще выяснилось, что она меня тогда не запомнила. И не узнала позже. Не понравился.

Да, я всегда любил ее чуточку больше.

Потом был первый поцелуй. Внутри барабаны долбили и бомбы взрывались – так было вкусно и хотелось еще. Через недельку, правда, дошло, что целоваться мне предстоит еще много-много месяцев, на большее Юля была не согласна категорически. И поцелуи уже не так радовали.

А дальше я начал тупить. Странный период был, наверное, ненормальный. Юля сама мне разрешила спать с другими, ей было все равно, лишь бы я на ее честь не покушался. Стоило разрешением этим воспользоваться. Я раздумывал об этом, хотя не представлял, как это организовать технически: чтобы с девчонкой до постели дойти, нужно было бы хоть немного пообщаться. А у меня Юля в телефоне двадцать четыре на семь. Пойти куда-то познакомиться, параллельно Юле написывая? Это казалось дико неправильным. Да и я бы лучше к Юле приехал и с ней время провел. Так и делал: ездил, проводил. Месяц за месяцем, год за годом.

Придурок.

Преданность эта тупая никому не была нужна. Лучше бы опыта набрался и был готов к нашей близости. В итоге я старался изо всех сил, но Юле, видимо, не нравилось.

Два месяца назад у меня был лучший секс в жизни – Юля приехала в клуб, где я проводил время с друзьями. Взбудораженная, возбужденная. Мы уединились в закрытой кабинке. Я думал, что Юлька меня приревновала сильно, вот и завелась так. Что из-за меня все было и наш секс просто вышел на новый уровень. Я ее трахал, как безумный, она кончала раз за разом. Я трахал – она царапалась и сладко стонала. У меня даже сейчас взлетает, когда вспоминаю ее теплую влажность.

Потом выяснилось, что завел ее другой, я только поимел. Мою Юлю завел другой. Эта правда погасила небо над головой, теперь оно черное.

Вновь привкус крови на языке. Тру лицо. Всё. Нет, никогда больше. Яйца себе скорее отрежу, чем куплюсь на ее «Иногда скучаю» и наивно-растерянный взгляд.

Иногда, блть, она по мне скучает. А иногда – нет.

Вообще не понимаю, что в этом долбо**е было такого, что Юле понравилось!

Сжимаю руль до белых костяшек. Моих нейронный связей на это не хватает. Я был на всё ради нее готов. Моего «всё» просто оказалось недостаточно.

На телефон падает сообщение от Дианы:

«Матвей, с Юлей что-то не то. Я волнуюсь. Вы бы поговорили».

Я ругаюсь сквозь зубы. Значит, не показалось. И правда происходит у нее что-то.

Торможу машину на светофоре. До завода ехать еще минут двадцать – жаль, что так долго. Там, под шум станков, я всегда легко забываюсь.

Продолжаю громко ругаться.

Потом хватаю телефон, выбираю контакт Юлиной подружки Любы. За ней должок числится: я с ее бывшим поговорил по просьбе, попросил оставить девушку в покое.

– Матвей? Привет! – раздается Любин удивленный голос на втором же гудке.

Да, согласен, нечасто болтаем. Первый раз ей звоню.

– Привет! Тебе удобно говорить?

– Конечно! Что случилось?

– Люба, слушай. Без передачи только, лады?

– Да-да, разумеется.

– У Юли всё нормально? Ее этот ушлепок, которому я навалял, не беспокоит?

– Костя?

– Фиксик, ага.

Пауза. Сердце отбивает удар за ударом. Сейчас Люба скажет, что они вместе.

Вновь металлический привкус.

Глава 7

- Так и что? – повторяю вопрос.
- Да, прости, меня тут отвлекают... – быстро говорит Люба. – Насколько я знаю, нормально они общаются. Как обычно. Почему он должен беспокоить Юлю?
- Действительно, почему?
- Разные бывают ситуации.
- Даже если и так, Матвей. Вы ведь вроде бы... расстались. И ничего не должны друг другу.
- Верно. Но не в моих правилах бросать дела незаконченными. Хочу убедиться, что из-за моего конфликта у Юли нет проблем в институте. Люди разные есть, в том числе мстительные. До меня добраться сложнее, она – как на ладони.
- Со своими большими напуганными глазами.
- Люба цокает языком.
- Не замечала, чтобы были какие-то конфликты.
- Ясно.
- В следующие выходные мы с потоком едем за город с ночевкой, может, там что-то произойдет. Я могу потом тебе позвонить и рассказать. Хотя и не очень понимаю зачем. Вы ведь всё. Разошлись.
- Да, разошлись. Значит, с ночевкой? И Юля едет? – Я даже не пытаюсь скрывать изумление.
- Глаза начинают бегать.
- Ну да. Деньги сдала. В том году она из-за тебя не поехала, а в этом-то почему нет. Там всё цивильно: турбаза, домики, шашлыки.
- Ага, еще бухло рекой.
- Конфликт с Костей-Фиксиком был сложным, неприятным, и закончили мы тоже на неприятной ноте, так ничего не выяснив и точки не расставив.
- Люба, давай-ка я тоже поеду.
- Эм. Чего?
- Вы забронировали несколько коттеджей в лесу, я правильно понял?
- На Мане.
- Вот. Деньги сдам на комнату, на еду. Если вы потоком собрались, народу тьма будет. Никто меня не заметит.
- В качестве кого поедешь-то? Ты даже в нашем вузе не учишься.
- Да, проблема. Юля решит, что я снова за ней бегая. Морщусь при мысли об этом. Ну уж нет. Конфликт с Фиксиком меня беспокоит куда сильнее.
- Усмехаюсь, придумав идею.
- В качестве твоего близкого друга.
- Близкого друга? Моего парня, что ли?
- За тобой должок, потерпишь.
- Да я-то потерплю, но вот Юля никогда не поверит.
- Поверит. Я вечером после работы заскочу к тебе на минуту. Напиши только адрес.
- Ты от меня Юлю сто раз забирал, – смеивается Люба. – Я живу там же, не переехала.
- У Юли много подруг, сорри, забыл.
- Если сильно надо, вспомнишь. Мне пора. Пока, – неожиданно резковато отвечает Люба и кладет трубку.
- Эм... и что это было? Окей, договорились: подумаю и вспомню.
- Убираю телефон в карман.

Съезжу на сутки, подумаешь, что такого. Просто для успокоения совести. Нормальный такой план, пойдет.

Выжимаю педаль газа, «Мурано» рвется с места и устремляется вперед. Вскоре я выезжаю за пределы города и попадаю в промзону. Контраст поразительный: из сити в гетто. Вокруг серость и убогость. Словно из своего города перенесся в параллельную реальность.

Впрочем, здесь уже все знакомое.

Даже не знаю, почему то место, где трачу ежедневно три-четыре часа своей яркой молодой жизни, называется гордо – заводом. Всегда казалось, что завод – это нечто масштабное, огромное, крутое.

Три складских помещения, два цеха, человек тридцать работников, среди них два подмастерья – мы с Захаром. Как же нас сюда попасть угораздило?

В ту ночь, когда Юля «Черри» поцарапала, у нас с ее отцом интересный разговор получился. Наверное, первый нормальный с той знаковой рыбалки. Он взял вину на себя, обо всем договорился. Оформили доки в участке, после чего мы с ним поехали искать круглосуточную забегаловку, чтобы выпить кофе. Я к тому времени уже достаточно протрезвел, он – успокоился.

Виктор Арсеньевич без долгих прелюдий заявил, что моя попытка прикрыть Юлю – достойная и одновременно глупая, потому что родители, если они не конченные, разумеется, своего ребенка простят в любой ситуации. Простят, примут и помогут. И что если я хочу совершить подвиг, то выпендриваться нужно не перед ними. Я тогда ответил, что выпендриваться больше не буду совсем, и пообещал, что больше он меня на своем пороге не увидит. Виктор Арсеньевич кивнул и будто даже расстроился. Закончилась эпоха, многолетнее противостояние. Он победил: мы с Юлей расстались.

Потом я отправился домой успокаивать бабулю, но разговор этот в голове прокручивал снова и снова, пока не придумал план. У меня родителей нет, но у Захара-то есть. Следующим утром, протрезвев окончательно, я поехал к отцу Захара прямо домой, потому что так до сих пор и не понял, где он работает, какие-то спецподразделения.

Отец Захара меня принял, я объяснил ситуацию и спокойно попросил помощи.

Так, мол, и так. Выкупили в начале осени не слишком удачно битый кредитный «Мустанг», который лег мертвым грузом, никак не желая продаваться. Товарищ нас кинул, платить нечем ни за ремонт, ни за кредит. Машина-кабриолет – в зиму не продается за ту цену, что просим. Задарма отдавать невыгодно.

Если помощи не дождемся, то хотя бы совета.

Мужик сначала распахивался, давай орать, что мы наркоманы, особенно Захар. Я ответил, что нет. Но он не поверил, потребовал кровь сдать на анализ. Я согласился охотно. Он после этого заметно присмирел, но продолжил спорить:

– С Захаром все понятно мне было уже пять лет назад. Толку не будет от него.

– Но это ведь неправда. Вы ошибаетесь, – спокойно ответил я. – Может быть, вы сможете одолжить денег, чтобы нам удалось остаться в универе. Иначе придется бросать, идти работать, а там... неизвестно что.

– Одолжить – нет. – Отец Захара глубоко задумался. – Но урок преподам. Если отработаете полгода на заводе моего друга в вечерние и ночные смены, то можете быть свободными. «Мустанг» я забираю, кстати. И это не обсуждается.

Я обрадовался пздц как!

– Конечно, – согласился сразу. – Видеть эту машину больше не хочу. Но тачка, честно, огонь, ногираздвигалка, подъехал – любая баба ваша... – начал на энтузиазме, но быстро оборвал себя: – Сорри, это я не в тему. Всё, ушел.

Парковую машину у цеха. Рядом бэха Захара, остальные тачки, что вокруг, стоят примерно раз в пять-десять меньше.

Помню, как мы с Захаром впервые приехали сюда и обалдели от того, что такие места еще существуют в наше время. Бардак, разруха, какие-то станки шумят, которым триста лет. Жутко подойти – взорвется и убьет на хрен.

Где-то крыша упала, где-то стена пробита.

Друг отца Захара, невысокий полный мужчина лет пятидесяти, лично представил нас своим ребятам. Те смотрели удивленно, как на клоунов. За четыре недели работы, впрочем, ничего особенно не изменилось.

Так как мы не сварщики, не слесари и вообще порядком всех бесим, то получаем, разумеется, самую стремную и бестолковую работу. И все же настроение отличное, потому что могло быть хуже.

– День добрый! – говорю я громко, заходя в первое помещение.

С лету пожимаю руку главному инженеру. Это у нас сухонький, едва живой дед лет ста двадцати пяти, который единственный в курсе, как эти допотопные станки фурычат.

Спорю, что на его силе воли они и держатся. В тот день, когда деда не станет, они просто... как в сказке развалятся на кучу трухи и мусора.

– Добрый-добрый, Матвей. Опаздываешь, – скрипит прокуренным голосом главный инженер. – Обещал в воскресенье двойную работу сделать.

В помещение с другой стороны заходит Захар с метлой и неизменно кислым выражением лица. Его рука до сих пор перебинтованная – везунчик мало того, что шил лицо после драки, так еще и неделю назад поранил кисть. Теперь вынужден просто мести.

– Привет, – усмехаюсь я.

Захар опаливает взглядом исподлобья. В грязном синем комбинезоне он рок-звезда, ни дать ни взять. Вокруг крутятся три щенка. Захар к ним довольно безразличен, но животные, словно почувствовав глубоко спрятанную доброту души, ни на шаг от него не отходят. Он работает, они рядом. Он пошел на склад – они вприпрыжку следом.

Пожимаю ему здоровую руку.

– Ну это же лучше, чем рехаб.

– Блть, конечно. Но мне не нужен рехаб.

– Твой папаша думает иначе. В следующие выхи поедем за город на сутки?

– Поехали, – бурчит Захар.

Его настроение перманентно херовое все то время, пока он находится в стенах «завода». Оно хорошее ровно до момента прибытия и с момента выхода за пределы. Захару в общем-то по фигу, но для меня сумма долга огромная, и я больше всего на свете не хочу впутывать Павла. Сейчас же есть отличный вариант отделаться физической работой, сделать выводы на будущее и перелистнуть страницу.

– Матвей, там привезли цемент, нужно бы разгрузить, – с огромным удовольствием говорит работяга Семён.

– Понял. Сделаю.

Я иду в указанную сторону, дабы оценить объем работы, и на мгновение застываю перед забитым мешками под завязку грузовиком. Пи-пец!

– Если сдохнешь, поможем!

– Нормально. Пойду переоденусь только.

– Быстрее! Опаздываешь и так.

– Конечно.

Спешу в сторону раздевалки.

– А с кем поедem-то за город? И куда? – окликает Захар, когда я прохожу мимо. Он хмурится, вглядываясь в глаза щенку, который усиленно машет хвостиком. – Шарик, ну я же занят. Давай потом поиграем?

– С политехом, – отвечаю. – Но девчонки будут.

– С политехом? А. Понял какие. – Захар вздыхает. – Опять двадцать пять.

Я не реагирую. Потом объясню, что Юля здесь ни при чем. В раздевалке достаю из шкафа свой рюкзак и вытаскиваю рабочие вещи.

Глава 8

Юля

Распроставшись с Дианой, Павлом и отрадой сердца, Петенькой, я выбегаю на улицу. Вдыхаю свежий морозный воздух и отчего-то улыбаюсь. Хорошо посидели. Ребята развеселили, накормили, поддержали. А тот, кто сбежал, сам виноват, что пропустил такое душевное застолье. Не правда ли?

Иду бодрым шагом к остановке. Настроение в общем-то ровное, в последние недели оно всегда такое. Устаканилось.

С тех пор как тест показал две красные полоски, мир изменился. Пошатнулся, конечно, сначала. Заколотило еще как! Землетрясение девять баллов, не меньше точно. Восемнадцать лет и беременность! Кто бы мог подумать, что подобное случится именно со мной. Вот вам и отличница, пример для подражания.

Но потом, в тот самый момент, когда abortивная таблетка уносилась потоком воды в канализацию, я вдруг осознала, что вылавливать ее поздно, и поймала дзен такой силы, что пробить его стало невозможно.

Отчего-то успокоилась и будто смирилась. План выбрала, правда, трусливый – лгать до последнего. Но я ведь жду удобной возможности. Расскажу всему миру, как только она наступит.

Все время тянет спать, по утрам подташнивает, поэтому приходится вставать часов в пять-шесть, чтобы съесть бутерброд с сыром и колбасой. Грудь подросла, как верно приметил Матвей. Больше пока не чувствую изменений, вроде бы та же самая Юля, со стороны посмотришь: студентка как студентка. Приличная девушка.

Когда я анализирую все это, то начинаю злиться на Матвея. Отчаянно нуждаюсь, чтобы он был рядом, чтобы обо всем этом знал, чувствовал меня как прежде. Он-то ничего не ощущает, у него по нолям. Но малыш ведь и его наполовину. В ту ночь мы сильно любили друг друга, вообще не соображая, что делаем.

Я закрываю глаза в автобусе и думаю о секретном и неуместном: вот бы еще хотя бы раз в жизни заняться с Матвеем любовью. Ощутить его внутри себя, как входит, плавно или толчками – без разницы. И это приятное растяжение, и удовольствие ударами тока от чувствительных клеточек ко всем прочим... Божечки! Даже кожу покалывает, как представляю. Стать бы вновь объектом его мужской страсти, попробовать его вкус и запах... Распахиваю ресницы и ругаю себя. Позорище! Ну что за доступная девка! Бесит аж. Другая бы на моем месте вообще зареклась хоть когда-нибудь с парнем обниматься, а я после расставания будто окончательно сбрендилась. Ни за что не признаюсь, но... как же мне *его* хочется.

Кто неплохо со мной знаком – тот будет летом в полном шоке, увидев меня с коляской. Но этот человек был бы в еще большем ужасе, расскажи я, где мы с Мотом этого ребенка заделали. В ночном клубе. За тоненькой шторкой. Рядом с толпой чужих людей! Паника!

Мне так сильно хотелось своего парня, а ему хотелось меня, что это просто не могло пройти бесследно. Потребность какого-то дикого, животного уровня.

На мне теплый пуховик, под ним джинсы и водолазка. А там, внутри, внизу живота, спрятан сюрприз, которые изменит наши жизни. Наше продолжение. Не могла я от него избавиться. Что угодно пусть думают. Рука не поднялась, и сердце не позволило.

Вздыхаю. То был совершенно безумный, бешеный секс. Даже сейчас от одних только мыслей в дрожь бросает. Чего уж стесняться и корчить из себя невинную, я беременна. Если бы мы были с Матвеем вместе, честно бы ему призналась, что мне понравилось. И что я бы хотела, чтобы он снова так же набросился. Чтобы любил меня во всю свою силу. Господи. Ну

почему я не сказала ему тогда об этом? Почему не призналась, как стыдно и одновременно круто мне с ним трахаться?

Матвей...

Удивительно, конечно, как он с одного-единственного взгляда определил, что я поправилась. Даже родители, которые рядом каждый день, ничего не заметили. А Матвей смотрит так внимательно, будто видит насквозь. Словно что-то пытается почувствовать. Или я выдумываю глупости, и между нами действительно все кончено.

Плавно закрываю глаза и открываю вновь, возвращая себя в тот самый абсолютный дзен, в скорлупе которого, если можно так коряво выразиться, прячусь все эти недели. И из которого выходить не собираюсь ни при каких обстоятельствах. Что бы ни случилось.

Дома, переодевшись в удобное, я забираюсь на диван с ноутом и включаю сериал. Кладу ладонь на живот и легонько поглаживаю. Нет, я не стану нервничать и изводить себя. Я должна быть сильной ради своего ребенка. Бабушка с дедушкой, да и отец родной, в него непременно до смерти влюбятся. Но, полагаю, не сразу. И этот период необходимо пережить, сцепив зубы. Пройти на тупом упорстве. Не представляю, как без Матвея это получится. Я слишком сильно привыкла, что он всегда, в любой беде рядышком.

Следующий день на учебе проносится быстро. С ребятами держусь отстраненно, это не специально, просто так получается. Покорно отсиживаю лекции и еду домой, где заваливаюсь на кровать, чтобы немного отдохнуть.

Веки в какой-то момент смыкаются, я впадаю в полудрему, представляя, как держу на руках младенца с карими глазами. Чувствую его вес, наклоняюсь и вдыхаю запах. Открываю глаза и тянусь к телефону.

От нечего делать захожу в социальную сеть и листаю фотографии друзей. Приложение тормозит, поэтому я сначала лайкаю Любин новый пост с хештегом «я не художница, а инженер». Затем уже дожидаюсь, пока серый квадратик превратится в фотографию.

Люба выставила селфи из художественной школы. Точно! Сегодня же занятие – я совсем забыла и прогуляла. А вот Любушка скорее экзамен пропустит, чем свое рисование. Выглядит подруга прекрасно: волосы блестят, глаза сверкают в этой обработке. Счастливая! На шее новое украшение. Без задней мысли я приближаю картинку и на секунду застываю, впиваясь глазами в кулончик в виде листочка. Неужели того самого?

Да ну на фиг.

Откладываю телефон на стол и минуту сижу, как-то вдруг осунувшись и притихнув.

Наверное, я беременностью не так сильно шокировалась, а ведь мне, на минуточку, по-прежнему восемнадцать, я себя не обеспечиваю и учусь на втором курсе всего лишь.

Сейчас хуже.

Мыслей в голове нет. Ни единой. Они все разбежались кто куда, да и ловить не хочется. Дурные какие-то, колючие, бешеные.

Потом жадно хватаю мобильный и снимаю чертов лайк! Мне не нравится.

Не нравится! Не нравится!

Хмзрюсь.

Это. Блин. Что за фигня?!

Может быть, это абсурдное совпадение, но...

Почему кулон, который мы выбирали вместе с Матвеем, висит на шее моей лучшей подруги?!

Да, Любаша – родной и близкий человек. И я на всё ради нее готова.

Но это мой парень. Пусть бывший, пусть мы стали врагами, а потом зачем-то друзьями. Но это мои странные отношения. Мой Матвей Адомайтис.

Я вновь хватаю мобильный и нажимаю «Пожаловаться». Выбираю первый попавшийся пункт, потому что раздела «Предательство многолетней дружбы» не вижу. А зря, администрации стоило бы позаботиться.

Медленный вдох-выдох.

Если Люба... боже. Если Люба замутила с Матвеем, я ей устрою. Я такое ей устрою!

Спрыгиваю с кровати и кидаюсь к шкафу. Наскоро натягиваю первые попавшиеся легинсы, толстовку. Упаковываюсь в пуховик и вылетаю на улицу. Люба живет поблизости, мы ходили в одну школу, так и познакомились. Добираться минут десять быстрым шагом. Мороз я не замечаю. А щеки покалывает скорее от нетерпения. Захожу в нужный подъезд, поднимаюсь в лифте, нажимаю на кнопку звонка.

Лишь когда открывается входная дверь и я вижу перед собой Любину маму, понимаю, что от моего дома до этого добираться в два раза быстрее, чем от художественной школы.

– Добрый день, – здороваюсь, стусевавшись. По возможности вежливо. – Я к Любе. Она еще не вернулась?

– Заходи, Юль, – весело и беззаботно приглашает Марина Евгеньевна. Делает гостеприимный взмах рукой. – Люба скоро будет, я попросила хлеб купить. Вот-вот уже.

Я настолько обескуражена происходящим, что даже не предлагаю сбежать до магазина. Мы дружим сто лет. Половину сознательной жизни!

– Спасибо, – улыбаюсь, поспешно снимая пуховик.

– Чай заварить или нормально поедим? Планируется поздний обед или ранний ужин.

– Спасибо, пахнет вкусно, но я не голодна. Просто подожду Любу, если вы не против.

– Без проблем. Ты же знаешь, где ее комната.

– Знаю, конечно.

Прохожу к Любе, плюхаюсь на стул и оглядываюсь. Я по-прежнему в дзене, происходящее воспринимаю через защитный слой. Раньше бы рвала и метала, но сейчас...

Вдох-выдох. Жизнь слишком круто меняется, чтобы нервничать из-за друзей. Бывших друзей?

Я часто злилась на Любу, но всегда из-за ее дурного поведения. Связи с не внушающими доверия парнями, в том числе с женатым взрослым мужчиной, делали ее несчастной. Я это видела и переживала.

Сейчас злость совсем другого порядка. Конкретно в данный момент я саму себя не узнаю. Сажу у Любы дома, в ее комнате, рассматриваю ее работы, развешанные на стенах. И не желаю ей добра. Ни капельки.

Тянутся минуты. Монотонные, раздражающие своей неспешностью. Ну где уже она?! Матвей ведет себя как подонок, и после такого фортеля у нас с ним точно ничего быть не может. Но Люба-Любушка, подружка родная, ей-то что я плохого сделала?

От нечего делать беру со стола папку, открываю и начинаю листать зарисовки простым карандашом. Здания, деревья, натюрморты, образы каких-то незнакомых людей. Кажется, вот это я стою у забора. Люба всегда хорошо рисовала и делала это постоянно – жаль, родители не разрешили поступить в вуз по призванию, запихали в технический.

Невольно улыбаюсь, залюбовавшись. Работ много, штук пятьдесят. Заглядываю в самый конец и замираю. На последнем листе А4 изображен Матвей.

Мой Матвей. набросан схематически, стоит, облокотившись на столб, смотрит куда-то в сторону, между пальцами зажата сигарета. Я мгновенно узнаю этот устало-снисходительный взгляд. Листаю дальше.

Снова он. Теперь лицо крупно.

Дальше профиль. Зарисовка со спины. На очередном листе он сидит, развалившись в кресле. Негодование разгоняет пульс.

В мыслях проносятся обрывки разговоров, Любины советы и замечания. Глазам своим не верю. Я просто... никогда ничего не замечала!

Судорожно листаю остальные работы, но никаких других парней не обнаруживаю. Не то чтобы это была прорисовка всех знакомых. Только моего любимого человека.

Ледяным душем обрушивается сверхсознание. Прижимаю руку к животу, медленный вдох-выдох.

Нет, я не стану нервничать. Буду выше. Если эти двое так со мной поступят, это останется на их совести. У меня свой путь. Свой собственный.

Дверь позади негромко хлопает, я оборачиваюсь и наконец вижу перед собой Любу. Стараюсь вложить во взгляд все то, что сейчас чувствую: обиду, злость, презрение.

Люба выглядит испуганной. Глаза вытаращила, покраснела.

– Что ты здесь делаешь? – спрашивает взволнованно. Впивается глазами в папку. – Положи на стол, это мое.

– На работы твои зашла полюбоваться. Очень красиво. – Голос звучит отстраненно. Пронзительно. Угрожающе.

Взгляд впивается в ее шею, на которой цепочка.

Любушка – подружка моя самая близкая. Таблетки мне abortивные подпихивала. Советы давала, что таких Матвеев еще сто штук будет.

Мне не нужно было сто! Я хотела того самого, своего единственного! Много лет встречалась с ним, спала, в том числе без защиты, потому что очень сильно его чувствовала. В глубине души не верила, что однажды наши дороги разойдутся, хоть и повторяла себе это постоянно, словно подготавливаясь к боли. А еще... потому что на самом деле я всегда отчаянно Матвея любила. Пусть не так громко и очевидно, как это делал он. Моя любовь была тихой, скромной, но я ею жила с пятнадцати лет!

Вскакиваю на ноги. Выхватываю пару листов с зарисовками своего парня и демонстративно разрываю. Потом беру еще и вновь рву. И следующие тоже.

С удовольствием. Бросая клочки себе под ноги.

Пока Люба не отмирает и не кидается ко мне со словами:

– Пожалуйста, хватит! Этим зарисовкам четыре года!

Глава 9

Я поднимаю руки высоко, прячу листки, потому что в какой-то момент кажется, что Люба за них драться собралась, но нет. Она всего лишь садится на корточки собирает обрывки.

Собирает и бережно складывает на колени в стопочку. Носом шмыгает. А я не знаю, куда и деться.

Некоторое время наблюдаю за ее попытками сберечь что-то, по-видимому, важное, потом не выдерживаю и тоже приседаю. Со стороны на нас обеих посмотреть – ну какая идиотская ситуация.

Начинаю помогать.

– Не трожь, это мои, – повторяет Люба, жалобно всхлипнув. – Мои работы, ты не имеешь права их портить.

– На твоих работах мой парень.

– Бывший парень.

– Теперь уже, наверное, да, – поддерживаю я резковато. – Бывший на все сто процентов. Он с тобой спит? Давно? У вас началось, когда мы еще встречались?

Люба вскидывает округленные глаза, в этот момент кулон выпадает из выреза ее футболки. Я впиваюсь в него глазами и моментально понимаю, что это не тот.

Пульс разгоняется до максимума, а краска ударяет в лицо. Я выбрала кулон из красного золота, а этот с вкраплением других металлов. Форма листочков такая же, но они украшены навязчивыми узорами. Короче, безвкусица.

Еще один глубокий вдох-выдох. Упс.

Впрочем, карандашные рисунки никуда не делись, и я вновь раздражаюсь.

Люба ловит мой взгляд и поспешно прячет кулон под футболку. Видимо опасаясь, что в порыве ревности я сорву и его.

Поднимаюсь и подхожу к окну, руки на груди скрещиваю. Любин писклявый голос ножом вонзается в спину:

– Пока не спим. Сама-то себя слышишь?

Я оборачиваюсь и вопросительно приподнимаю брови, призывая продолжать.

– Мы сблизилась уже после вашего расставания. И да, этот кулон Матвей выбирал для меня. Не знаю, зачем ему понадобилась твоя помощь. Ты неплохо меня знаешь, и у тебя хороший вкус...

– На парней? – перебиваю.

– Я попросила его больше так не делать. Он пообещал, что не станет.

– Когда у вас началось-то? Я вообще ничего не понимаю!

– У меня были проблемы с Олегом, я попросила Матвея помочь. Тот вступился, поговорил. С тех пор начали общаться.

– За моей спиной?

Люба делает взмах руками и начинает жестикулировать.

– Юля, за твоей спиной общаться очень легко, потому что ты никого кроме себя самой не замечаешь. А последние недели – особенно.

Люба вскакивает на ноги и подходит к столу. Начинает составлять свои зарисовки из обрывков, как картинки из пазлов. Вытирает щеки, продолжая говорить:

– Я всегда была твоей подругой. Кому как не мне видеть, что тебе на Матвея всегда было плевать. Боже, ты его даже не запомнила, когда я показывала несколько раз! Парень, который ходил в соседнюю школу и который пришел в класс доподготовки. Именно я первой с ним познакомилась. Показывала тебе Матвея раза четыре, ты равнодушно кивала. И все

эти зарисовки я сделала в то время! А после того, как вы начали встречаться, ни разу его не рисовала.

Она вновь вытирает щеки. Потом закрывает лицо руками и плюхается на кровать.

Я стою в замешательстве. Эм. Может быть, Люба мне его и показывала, но она всегда была влюбчивой. Ей постоянно кто-то нравился – разве всех запомнишь?

И тем не менее чувствую неловкость.

– Не смотри на меня так, Юля. Именно я Матвея увидела раньше и влюбилась. Но так вышло, что он запал на тебя, а меня запомнил лишь как приложение к тебе.

– Я такого не помню, Люб... Любаш... мы пошли в кино втроем. Это мое первое четкое воспоминание о Матвее. Сорвались занятия, от скуки все поперлись в кинотеатр. У меня не было денег, и он заплатил. Кстати, за тебя тоже. И мы все обменялись телефонами.

Люба грустно улыбается.

– Да, я успела обрадоваться, но написал он потом именно тебе. Ты же сделала вид, что не заметила, как я расстроилась. Скидывала скрины ваших переписок. Таскала меня за собой третьей.

Вспыхиваю. Я так делала? Может, поначалу. Но без задней мысли. Стеснялась Матвея, нервничала. Прикусываю губу.

– Люба, тебе нужно было... я не знаю, сказать мне. Остановить это.

– Сказать что? Я тебе про Матвея сто раз говорила, ты ничего благополучно не запомнила и начала с ним встречаться. Я это приняла, смирилась. Он выбрал тебя. Так нет же, все следующие годы ты мне подробно рассказывала, как он за тобой бегаёт и как тебя это смущает и раздражает. Как он ссорится с твоими родителями и как тебя это бесит.

Я понимаю, что ноги не держат. Подхожу к кровати и присаживаюсь на краешек. Рядом с Любой. Смотрю на нее в легком шоке. Кулон вновь выпадает из выреза футболки, и я молча его рассматриваю. Люба думает, что это тот самый. Я рассказывала ей, что выбрала листочек.

Но это другой.

– Мне жаль, – говорю тихо. Пальцы ног подгибаются.

– Юля, я честно пыталась его разлюбить все эти годы изо всех сил, встречалась со всеми подряд, от ровесников до стариков, в надежде, что кто-то из них сведет меня с ума и я от этого гадкого чувства отделаюсь. Ты не имеешь права меня обвинять. Всё, вы расстались. Матвей хочет идти дальше. Отпусти его.

– Я ничего не замечала, Люба. Клянусь. Если бы мне хотя бы раз пришло в голову...

– Конечно, не замечала. Куда там! Существуют только ты и твое удобство. Остальные должны подстроиться, смириться, привыкнуть. У тебя всегда все было – полноценная семья, лучший парень, но тебе этого казалось недостаточно.

Люба вновь вскакивает, делает рывок к столу. Судорожно разглаживает сложенные «пазлы». Берет скотч, пытается склеить, но получается плохо. Я смотрю на нее, не делая попыток помочь. Всё плохо, мы больше никогда не сможем дружить.

А еще мне ее жаль. Так сильно жаль! И кулон на ее шее не тот. Я хочу открыть рот и сказать об этом, но Люба, скорее всего, не поверит. Она плачет, и я молчу.

Наконец, отворачиваюсь.

– Все это время ты притворялась моей подругой, а сама сохла по моему парню. – Голос звучит максимально спокойно. Я тру лицо, потом стягиваю на затылке волосы. – Не представляю, как нам общаться дальше, и стоит ли. Я тебе многое рассказывала. В том числе про секс, ты кивала, а сама хотела быть с Матвеем. Это в голове не укладывается.

Люба мечет в меня острый взгляд.

– Я не просила, ты сама делилась. И да, я хотела быть на твоём месте. Да любая бы хотела, Юля! Он тебя домой к себе привел, устроил романтический вечер, зацеловал. А какой был у меня первый раз – ты сама знаешь.

Она содрогается и отворачивается. Вздыхаю. В ее плохом первом сексе я не виновата.

– Вы уже спали? Просто скажи как есть, и я уйду.

Люба медлит. Потом усмехается и качает головой.

– Тебя только это волнует, да? Ты вообще в курсе, что у Матвея проблемы, что он работает, дабы долги раздать? Что у него бабушка болеет и он вечерами дома, чтобы сиделку отпустить. Ты хотя бы раз спросила, как у него дела?

– Если у Матвея есть долги, то только по его вине.

– Иногда виноватым людям нужно немного поддержки, знаешь ли. Ты заикленная на себе эгоистка.

– Это поддержку он нашел у тебя?

Глаза наполняются слезами, мой дзен дрожит, грозясь разойтись по швам. Что Матвей спутался с моей подругой – ужасно. Но то, что ему нужна была поддержка, а он за ней не пришел – сильнее в сто крат.

Почему не пришел ко мне?

– Юля, смирись уже с тем, что между вами все кончено.

Мы смотрим друг на друга. Наконец я отвечаю:

– Какая кошмарная ситуация. Мы влюбились в одного парня.

Люба качает головой.

– Те, кто любят, так легко не отказываются, не предают, не целуются с другими на всеобщее обозрение. Ты причинила людям вокруг много незаслуженной боли. Матвей тебе всё прощал, дрался за тебя, но какие-то же должны быть пределы. Ты его не любишь. Совсем. И ваш ребенок был бы несчастным, ты приняла верное решение тогда.

Волоски на коже дыбом поднимаются. Я вскакиваю на ноги.

– Ты не можешь знать, что я чувствую. И больше не смей ничего говорить о моих детях.

Направляюсь к выходу.

– Матвей поедет со мной на турбазу в выходные. Если ты правда желаешь ему добра, останься дома. Пожалуйста, Юля. Дай нам возможность побыть вдвоем и узнать друг друга получше. Дай нам шанс быть счастливыми.

– У вас другой возможности стать счастливыми нет, что ли? Странно. От меня Матвея было ногами не вытолкать.

– Если не отвалишь, я ему расскажу, что ты сделала аборт. И он тебя возненавидит.

Я хватаюсь за ручку двери и сжимаю ее до белых костяшек.

– Не забудь упомянуть, кто эти таблетки мне притащил.

– Силком тебе их в рот не запихивали.

Оборачиваюсь. Самые страшные враги – когда-то близкие люди. Они знают, куда бить и с какой силой. Люба – заплаканная, растерянная, какая-то жалкая со своими бумажками в руках. Наверное, она и правда в Матвея влюблена. Это и не мудрено: он хороший. Придурок, конечно, последний, но кто без недостатков? Однако счастливой Люба не выглядит. Мы смотрим друг на друга, и нам обеим горько. Цена ее попытки обрести счастье ой какая высокая.

Как она меня назвала? Эгоисткой? Чуть прищуриваюсь и говорю с ледяным спокойствием:

– Люба, если ты Матвею хотя бы слово скажешь о таблетках, я тебя размажу по стенке.

Выхожу из комнаты и иду к двери. Не знаю, откуда силы берутся. Какая-то другая я. Взрослая.

Глава 10

Я иду по тротуару и чувствую себя Матвеем.

Даже хуже, потому что, когда он психанул и затеял драку с моими одноклассниками, он не носил в своем животе ребенка. Обычный ревнивый мужик, накачанный под завязку тестостероном. Мне же положено быть нежной и уютной беременной, вместо этого я наговорила гадостей и угрожала Любе. Потрясающе.

Сжимаю кулаки. Слезы на глаза наворачиваются, не то от обиды, не то от удушающей жалости к себе. Люба не права, я не эгоистка. Боже.

Неужели вокруг меня и правда все несчастные?

Бросаю взгляд на часы – половина шестого. Останавливаюсь под фонарем, растерянно смотрю по сторонам, переминаясь с ноги на ногу. Снег хрустит под ботинками, мимо проносятся прохожие с тяжелыми пакетами с логотипами местных супермаркетов. Горожане спешат домой, несут продукты, готовятся ужинать. А мне не хочется к родителям. Я очень сильно изменилась, а они этого не поняли. Никто не понял.

Целый месяц существую будто в вакууме, и, наверное, пора из него выбираться.

Размышляю пару минут, затем захожу в лучшую кондитерскую нашего района и покупаю пирожные, после чего держу курс на остановку. До квартиры Матвея недалеко, но пешком идти слишком холодно.

Я знаю его бабушку почти четыре года, и она всегда была ко мне добра и приветлива. Мы часто созванивались, она переживала за внука, я успокаивала, что Матвей у меня в гостях. Вон сидит с учебником. Да, мы поели, деньги есть, всё прекрасно. Невольно улыбаюсь, вспоминая привычный набор ее вопросов.

Если Римма Владиславовна заболела, то обязательно стоит ее проведать. Почему бы не сделать это сегодня?

Все прошлые проблемы, которые спать не давали и казались большими страшными тиграми, норвящими сожрать меня маленькую в любую секунду, вдруг трансформируются в крошечных, едва заметных жучков. Я еду в автобусе, а сама вззираю на них с высоты человеческого роста.

В подъезд захожу быстро, дабы не струсить и не сбежать. Поднимаюсь в лифте. Морально готовлюсь к тому, что Матвей может оказаться дома – это ничего страшного. В конце концов, мы друзья. Дам пару советов на будущее.

Но открывает мне тетя Саша, подруга Риммы Владиславовны. Вместе они ходили по театрам вот еще совсем недавно.

Тетя Саша узнает меня и приглашает в гости. Начинает расспрашивать, как дела, как учеба, родители. Провожает в комнату Риммы Владиславовны, а сама устремляется на кухню ставить чайник.

Здесь уютно. Негромко работает телевизор, там какой-то сериал эмоциональный. Бабуля сидит со спицами, рядом в кресле еще один набор – видимо, для тети Саши. Нормальный у них такой девичник.

– Здравствуйте! Простите, что поздно. Я шла домой от подруги и вдруг поняла, что соскучилась.

Римма Владиславовна не может скрыть радостного удивления и говорит громко:

– Юленька! Проходи, моя хорошая. Вот это сюрприз! А Матвея нет, он поздно приезжает.

– Знаю, я к вам, – улыбаюсь вежливо.

Чувствую легкость и облегчение. Весь следующий час мы втроем пьем чай и смотрим сериал. Выглядит бабушка Матвея неплохо, вот только похудела довольно сильно – это броса-

ется в глаза. В остальном – такая же. Отпускает остроумные комментарии, шуточки. Делает комплименты.

Мне хорошо здесь. Комфортно. Люба не права: если бы я была эгоисткой, все эти люди не относились бы ко мне прекрасно, не так ли?

Время пролетает быстро.

– А Матвей передавал мои приветы? – уточняю я вдруг, задумавшись. Тут же осекаю себя: вновь пытаюсь спихнуть вину на него. Вину за то, что так редко звонила и приходила.

– Передавал, Юля. Каждый раз. Очень приятно было.

Следом подмывает спросить, бывали ли у Матвея в гостях в это время другие девушки. Например, моя лучшая подруга Люба. Но не решаюсь.

В половину восьмого Римма Владиславовна принимает таблетки и начинает клевать носом, я понимаю, что пора уходить. Засиделась. Обнимаю бабушку, доброжелательно прощаюсь. Обещаю вновь забежать как-нибудь.

Тетя Саша помогает ей устроиться удобнее и гасит свет, после чего мы обе выходим в коридор. Я начинаю тоже прощаться.

В этот момент дверной замок щелкает. Мы с тетей Сашей синхронно переводим глаза на входную дверь, которая открывается, пропуская в прихожую Матвея. Замерзшего, холодного, в застывшем пуховике, со снегом на ботинках.

– Привет, – говорит он медленно, вопросительно.

И это не просто какой-то там рядовой «Привет, как дела, неважно, я из вежливости спрашиваю». Я отчетливо слышу в его интонациях: «Что ты, блин, здесь опять делаешь, я ведь собираюсь спать с твоей лучшей подругой».

Сглатываю. Чувствую себя слегка оглушенной. Это самое кошмарное приветствие, что я слышала в жизни. Ну какой же у моего ребенка отец – мудака. Что же не повезло-то так, а? Настоящий злодей!

Словно через пелену доносится голос тети Саши:

– О, Матвей, ты рано сегодня! Какая удача! У меня как раз планы на вечер: донечка внуков привезла, хочу с ними побыть. Римма лекарство приняла, уже спит, всё хорошо. Я побежала. Завтра утром приду.

Матвей неопределенно кивает, смотрит при этом на меня. В голове проносится легко-мысленное сожаление: снова я без платья! Но мой бывший, судя по всему, и так изумлен – праздничный наряд мог бы стать перебором. Матвей брови слегка приподнял, палит, разглядывает. Кажется, даже моргает пару раз, дабы прояснить картинку.

Тетя Саша расторопно обувается, суетится, шумит. Снимает с вешалки пальто, а дальше ее раз – и нету. Словно ветром сдувает. Лишь дверь входная хлопает и где-то вдалеке торопливые шаги по лестнице.

Мы с Матвеем оказываемся практически наедине. В той самой квартире, где был мой первый раз. И куча последующих.

Матвей слегка улыбается, словно думает о том же. Наконец отмирает. Скидывает ботинки, снимает куртку. Я украдкой наблюдаю за его плавными движениями. Коридор узкий – как только Матвей покинет прихожую, я сразу же поспешу одеваться.

– Снова тебя преследую, видимо, – говорит он все с той же насмешливой улыбкой. – Хотя заявление пиши.

Я обольстительно улыбаюсь во все тридцать два.

– Проведала твою бабушку, купила фрукты и пирожные. Не знаю, что ей можно, взяла наудачу. Вроде понравилось.

– Спасибо. Продукты все есть, ей по большей части скучно. Полагаю, она была рада компании. Завтра мне весь мозг вынесет.

Матвей выглядит уставшим.

– Почему?

– Потому что это бабуля, – неопределенно пожимает он плечами.

– А-а-а. Ну, мне пора, – говорю бойко.

– Давай отвезу. Я на машине.

– Нет, что ты! Я сама.

Он идет в мою сторону, я быстро вперед, к пуховику и ботинкам. Мы минуем друг друга, я в этот момент задерживаю дыхание. Кажется, вот-вот – и Матвей схватит, прижмет к стене, навалится телом. Хотя бы дотронется! Но нет. Это просто рокировка на шахматной доске.

Начинаю быстро обуваться. Его голос прокатывается по коже:

– Тогда вызову такси. Уже поздно.

– Ничего страшного, доберусь сама.

– Блть, Юля! – Матвей разводит руками.

– Ладно, вызови. Раз уж ты меня преследуешь. – И добавляю: – И раз уж мы пока еще друзья.

В ответ он то ли хмыкает, то ли усмехается. Не очень понимаю, как себя вести и чувствовать. Я сейчас нахожусь в одном узком помещении с парнем своей подруги – так, что ли, получается? Они там, два «не эгоиста», решили попробовать, она его утешала в трудную минуту. Хмурюсь. Матвей вздыхает, беспокоится, поэтому вызывает машину для меня. Как-то все запутанно.

Прислоняюсь спиной к стене. Запрокидываю голову и жду, пока он тычет на кнопки в приложении. Здорово было бы сообщить сейчас, что долго ему еще платить алименты. Отличный момент, но я настолько сильно злюсь, что не могу с собой справиться.

– Ждать семь минут. Побудь тут, на улице дубарина.

Матвей опирается плечом на стену и опять палит. Не отрываясь. Аж кожу покалывает.

Я расстегиваю пуховик и стягиваю шапку.

– Да, заметила. К ночи значительно похолодало.

Смотрю на носки ботинок – Матвей, кажется, по-прежнему на меня. Не знаю, не уверена, ощущаю так почему-то. Если Люба реально все это чувствовала рядом с ним четыре года, то она чертов монстр! Меня едва хватает на пару минут. Сердце колотится, нестерпимо хочется закричать.

Матвей вновь нарушает молчание:

– Как дела?

– Хорошо. Как у тебя?

– Тоже.

– Как работа? Я была у Любы сейчас, она поделилась, что у тебя проблемы.

– Небольшие. Уже разруливаю.

– Не знала.

– Я никому особо не рассказывал. Как-то все навалилось в ноябре... Хм, что она еще тебе сказала?

– Похвасталась кулоном. Но это не тот, что мы выбирали. – Опаляю Матвея самой лучезарной улыбкой из арсенала имеющихся. – Ты не переживай, я тебя по-дружески прикрыла. Не стала сообщать, что у тебя, видно, есть еще какая-то подружка. И наверное, не одна.

Краем глаза слежу за тем, как хитрая улыбка вновь касается его губ. Матвей ни капли не смущен. Напротив, начинает веселиться самым жестоким образом! Если бы я так сильно не злилась на Любу, мне бы стало за нее обидно.

Матвей произносит с благодарным смешком:

– Буду должен, бро. – И прижимает указательный палец к губам: – Тс-с.

Я сглатываю.

- Такси подъезжает. – Матвей называет номер машины.
- Что ж, тогда до субботы. Любу не обижай, она хорошая девочка.
- До субботы, Юля.

Повисает пауза, больше Матвей ничего не добавляет. Я понимаю, что пора, и выметаюсь на лестничную площадку.

В лифт захожу со все еще колотящимся сердцем. Вот это насыщенный денечек! И если раньше я не очень-то хотела ехать за город с одноклассниками: я ж не пью, что мне там делать?

То теперь поеду точно.

Глава 11

Матвей

– Ты с похмелья, что ли? – бросаю я Захару.

Настроение с утра приподнятое, хочется шутить.

Падаю в бэу и закрываю дверь. Вроде бы хлопаю несильно, но бедолага морщится и прижимает ладони к вискам.

– Блин, Матвей, это не «Гранта», можно мягче?! И не ори, башка с самого утра трещит по швам.

– Сорян, но орешь пока только ты. Так когда успел накидаться-то?

– С какого еще похмелья? Мы вчера в полночь выползли с этого гребаного завода, я добрался домой, пожрал и в кровать. Это треш: лучшие годы жизни тратятся на перетаскивание мешков и метлу. Не помню, когда в последний раз голую девчонку обнимал. Мне все время некогда! – разводит он руками в искреннем возмущении.

Я смеюсь. Затем представляю голую девчонку, которую сам обнимал, и настроение падает в ноль. Красивая, нежная, на простынях, с запрокинутой головой и легкой улыбкой. Пульс предательски ускоряется. Она пальчики ног в предвкушении поджимает. Острые колени стыдливо вместе сжала, ждет, пока разведу. Сама никогда, потому что стесняется. Робко смотрит. А я палю на ее плоский живот с манящим пупком, во рту слюны – захлебнуться. Так хочу, аж трясет. Пытаюсь контролировать, а то заметит и смеяться будет. Юля. Стоп. Блть, хватит! Вышвыриваю из памяти картинку из другой жизни.

– Че ржешь? Сам-то помнишь?

– Да куда мне, – подкальываю.

– Вот и ничего смешного. – Захар достает сигарету, подносит ко рту, но не прикуривает. – Отец называет меня своей гордостью: сварщиком первого разряда. Утверждает, что роба мне идет.

Я не удерживаюсь и глухо хохочу.

– А говоришь, ничего смешного!

– Ага. Попросил «Мустанг» помыть, но это завтра. Он тачку себе оставляет, прикинь. Так куда ехать-то? Как эта база называется? – Захар морщит лоб.

– «Ручеёк». Но сначала одного человечка заберем тут недалеко. До конца улицы, направо и дальше по дворам.

Захар равнодушно кивает и давит на газ, машина трогается.

– Ты нормально? Может, я поведу? – уточняю на всякий случай.

– Нормально. Приступ мигрени, я уже закинул колеса. Пить сегодня не буду, даже не предлагай, нельзя мешать.

– Я тоже не планирую.

– Матвей, объясни толком, какая наша цель. – Захар продолжает хмуриться. – Мы туда едем, чтобы что?

– Отлично провести время, подышать свежим воздухом... Так, стоп, нам налево.

– Юля живет справа.

– Да. А нам налево.

– Понял.

Захар врубает задний ход. Мы поворачиваем в правильную сторону, проезжаем улицу, я показываю на серую девятиэтажку. Люба уже ждет у подъезда с увесистой сумкой.

– Любаша? Серьезно? – вопит Захар, мгновенно позабыв о мигрени. – Ни фиги себе! Я еще думаю: далеко не ходит, все телки в одном районе. А ты прям... вообще никуда не ходишь? Где стоял, там и окей?

– Ее укачивает в автобусе, поэтому докинем. Кроме того, она наш пропуск на политеховскую тусовку. Ничего больше.

– Уверен?

– Юлина подружка, конечно, я, блть, уверен. И ты к ней тоже никак, лады? Мы хоть и расстались с Райденко, но доводить до слез ее подружку не стоит.

– Почему я должен кого-то довести до слез?

– Люба мечтательная. Ты парень на хорошей тачке, влюбиться легко. И точно не взаимно.

– Полагаешь, Матвей, кто судит людей по тачкам, заслуживает взаимности? – криво улыбается Захар.

– Полагаю, у тебя настроение поспорить, а мне лень.

Люба видит нас и радостно машет. Захар сворачивает в сторону, объезжая огромную кучу снега.

– Мы подвозим не Юлю, а ее подружку, – размышляет вслух. – Капец. Бедная Юлька, тотальное невезение.

Его слова неприятно царапают.

– Почему тотальное?

– Подружка – дрянь, бросила в дороге. Бывший – козлина.

– Юля всегда хотела тусоваться. Инджой.

– Ага.

– Мы виделись в понедельник. Она даже рада... блть, за «нас».

– Чего-о?! Рада? Ты укуренный, что ли?

Захар со скрипом шин пафосно тормозит напротив Любы, я выхожу из машины, дабы помочь с вещами.

– Привет! – бросаю.

– Привет, Матвей, – широко улыбается она. – Спасибо, что довезете. Мы газельки арендовали, но там душно капец. Меня всегда укачивает.

– Без проблем. Как настроение?

– Отличное. У нас всё по плану? Ты просто не писал и не звонил эти дни.

– Был занят. Да, по плану. – Потом я осмысливаю услышанное от Захара и добавляю поспешно: – И спасибо за помощь. Понимаю, чего тебе это стоит, вы ведь с Юлей близкие люди. После всего, что было, притворяться, будто мы мутим, это – ну такое.

И действительно это такое себе, Захар прав. Пусть даже мы с Юлей расстались плохо.

– Согласна. Некрасиво получается. Но вы ведь разошлись на сто процентов?

– На двести.

Люба смотрит мне в глаза – отвечаю невозмутимостью.

– Тогда всё нормально. Юля спокойно отнесется. Она... думаю, она уже переболела.

Бабуля в последнее время любит вязать. Так вот, кажется, что одну из ее спиц мне сейчас между ребер вхерачили. Усилие делаю, чтобы не поморщиться. Когда уже перестанет так бесить все, что с этой девчонкой связано! Да сколько можно уже! Переболела она за месяц. Холодная, равнодушная. Для приличия бы вид сделала, что переживает.

Люба тем временем продолжает болтать:

– ...Поэтому совершенно ничего страшного, если мы... ну типа попробуем с тобой. Потом скажу, что не вышло. Бывает.

– Окей. Да, бывает. Я просто знаю, что вы важны друг для друга, и не хотел бы портить вашу дружбу.

Кладу сумку в багажник.

– Ты не испортишь, не беспокойся. Юля сама говорила, что мы подходим друг другу и были бы отличной парой.

– Она так говорила? Неужели?

– Да, было дело, – улыбается Люба, не замечая иронии. – Так что, уверена, все получится. Если бы не фиговое предчувствие, я бы не поехал.

Тут же инстинкты оцетинились и интуиция в набат забила: сопроводи. Народ у Юли в группе по большей части нормальный, ничего дурного не должно случиться. Приличная, охраняемая база отдыха. Всю неделю я планировал передумать, но сегодня утром проснулся с четким пониманием: надо ехать. Видимо, чтобы хапнуть еще унижения.

В понедельник Юля отлично выглядела, когда навещала бабулю. И все же что-то в ее глазах было не то. Да и в ней самой я заметил изменения. Бред сумасшедшего. Пофиг, проще смотреться, чем сидеть и выдумывать лишнего. Вообще, разное же бывает: от пьяной драки студентов до терроризма. Если не поеду и что-то случится, не прощу себе.

– Ну и хорошо, – говорю я с улыбкой.

Занимаю переднее сиденье в бэхе, Люба падает назад, пожимает руку Захару.

– Кости, кстати, не будет, – начинает она болтать взахлеб. – Когда я сказала, что вы едете, он деньги забрал. Захар как раз на его место попадает. Не придется в машине ночевать.

– Замечательно, – отвечает Захар, стреляя в меня глазами. – Не знал, что мое место должно было быть в мороз в тачке.

– Я бы уступил тебе свое, – подбадриваю. – Я вообще не планирую сегодня спать.

– У нас на троих было бы две кровати, включая мою. Разобрались бы как-нибудь, – смеется Люба.

Захар бросает на меня долгий взгляд и произносит тихо: «Мечтательница, да?»

Становится не по себе.

Едва заметно предостерегающе качаю головой. Захар – нормальный парень, но он не про большую и светлую. Его перепих с лучшей подружкой Юли был бы мне в минус. Раньше. А сейчас?

Сейчас какая-то хрень происходит во всех смыслах.

Тем временем мы держим путь в сторону выезда из города. Слушаем музыку, каждый молчит о своем. Я внимательно слежу за дорогой, так как Захар периодически морщит лоб от терзающих спазмов. Его головные боли – это что-то поистине жуткое. Причем они бывают разных видов, и от каждой свои таблетки. Впервые Захар препаратами увлекся и загремел в рехаб в десятом классе.

Есть такое направление в неврологии: врач-цефалголог. Спец по лечению головных болей и головокружений. Захар уже достаточно знает на эту тему. Когда вырастет большой, сможет помогать и себе, и другим людям.

Но это все будет через несколько лет, а сейчас нам важно доехать до базы отдыха живыми и невредимыми. Поэтому ни о каком расслаблении речь не идет, я глаз не отрываю ни от дороги, ни от Захара, ежеминутно оценивая его состояние. Надо было брать «Мурано», блть.

– Может, по пиву? – предлагает Люба, указывая на заправку. – А то вы оба какие-то напряженные.

– Остановишь? – спрашиваю у Захара.

– Конечно.

На заправке я покупаю пару банок, бутылку воды, Захар берет себе орешки. Протягиваю обе банки Любе. Машина трогается.

– А ты не будешь?

– Не хочу, спасибо.

Люба, видимо, не замечает, что нас везет инвалид. Тем не менее, несмотря на общее состояние, машину Захар ведет уверенно.

Практически всю дорогу мы молчим, изредка обсуждая случаи с «завода», Люба потягивает пиво и, захмелев, время от времени громко смеется.

– Ты выпивал вчера, что ли, Захар? – спрашивает она.

– Да, в хлам. Фигово теперь.

– Ну ничего, в «Ручейке» есть банька. Хорошо попаришься, потом в снег. В момент полегчает.

– Наверное.

Люба придвигается ближе, смотрит в телефон.

– Та-ак, ребята, судя по чату, остальные парни из компании, с которой вы подрались в ту ночь, будут. Но они вроде бы нормально настроены. Не конфликтовать.

– Мы как раз и едем, чтобы наладить отношения, – объясняю я. – Все понимают, что Фиксик повел себя как ушлепок, к чему нормальным людям из-за него ссориться? И Юле эти проблемы ни к чему.

– А Юли, скорее всего, и не будет, – поддакивает Люба.

В меня будто ледяной водой брызгают. Оборачиваюсь.

– В смысле не будет? – нападаю, не скрывая изумления. – А чего ты, блин, молчишь тогда?

Глава 12

Люба замирает, испуганно ежится.

– Она не любит подобные тусовки, сам знаешь.

– Так. Стоп. Захар, тормози. Люба, надо было сразу сказать. Ты можешь наверняка сейчас выяснить, будет Райденко или нет?

– Мы ведь настроились отдохнуть. Ты сам говорил, что ждешь с нетерпением эту поездку. Захар беззвучно осуждает.

– Да, но... – Обрываю себя и говорю спокойнее: – Пойми правильно, у меня сейчас есть дела поважнее. Я туда еду с одной целью: погасить тот неприятный конфликт и проследить, чтобы его последствия не задели Райденко.

Люба быстро утыкается в телефон, нервно листает чаты.

– Минутку. Я уточню. Подождите.

Машина плавно замедляет ход и съезжает на обочину.

– Там же природа, свежий воздух, банька... – бормочет Люба. – Это же круто – вырваться из города.

– Да мне некогда по баням ходить, – возражаю я, не скрывая разочарования в голосе.

Люба густо краснеет и показывает экран телефона.

– Вот она. Едет.

На фото Юля сидит рядом с какой-то девчонкой в микроавтобусе. Рядом ребята из ее группы. Все улыбаются, машут, она тоже. Как всегда, взгляд пронзительный, чуть высокомерный, будто она там находится неожиданно для себя самой. У Юли вообще немного друзей, ей не слишком комфортно в больших компаниях.

– Окей, – говорю и возвращаюсь на свое место.

Машина вновь трогается. Захар все качает и качает головой. Когда она у него уже отвалится, раненая? Я ругаю себя за вспышку раздражения. По сути, ведь и правда неважно, будет Юля или нет. Даже лучше, если нет. С пацанами перетру, атмосферу разведую, чуть выправлю при необходимости. Но отчего-то прям разозлился. Не видел ее с понедельника. Наверное, хотелось... зачем-то. Блть. Увидеться.

Спустя еще час молчания под музыку подъезжаем к «Ручейку». Кажется, первые.

Захар паркует бэжу на лучшее место под навесом, после чего мы выходим на улицу и озираемся по сторонам.

Здесь и правда неплохо. Снег ослепительно белый, в городе такого не увидишь. Кругом высоченные сосны, остро пахнет хвоей и свежестью. Слева вдалеке горки и заготовленные тубинги. Справа дымят бани. Сами жилые домики тоже славные: деревянные, словно спрятавшиеся под тяжелыми шапками снега. Густо обвешаны гирляндами, которые, наверное, включают ближе к вечеру.

Не успеваем мы обменяться впечатлениями, как из-за поворота вырывают несколько машин и три газели. Что ж, начинается.

Я подбираюсь. Тревожно на самом деле – нас с Захаром двое, а этих-то целая толпа. Вдруг что-то пойдет не по плану? Но пусть лучше так, чем думать, что Юля там вообще одна.

Достаю из багажника рюкзак. Люба свою тяжелую сумку забирать не спешит, поэтому вешаю ту на плечо. Сам поглядываю на будущих инженеров, высыпавших из машин. Народу – тьма! Шумные, как галчата. Большинство мне незнакомы, что к лучшему.

А вот и Юля. Сперва ее белую куртку узнаю, потом по фигуре и движениям убеждаюсь, что действительно она. Приехала все-таки. Перебрасывается парой слов с девчонкой, улыбается.

Затем серьезнеет. Через плечо наброшен такой же белый, как куртка, рюкзак. Юля ищет кого-то глазами. Ищет-ищет-ищет.

А потом натывается на меня и поиск свой завершает. Начинает двигаться строго в моем направлении, утаптывая рыхлый снег. Ей никто почему-то не помогает, всем будто пофиг. Стою, как придурак, поглядываю, чтобы не рухнула.

Захар протягивает сигарету, закуривает сам. Юля идет в нашу сторону. Остановившись в метре, слегка улыбается.

– Привет! – здороваемся мы.

– Привет, – невозмутимо отвечает она. Оглядывает Захара, Любу. Задерживается в итоге на мне.

– Как доехали, Юля? – спрашивает Люба с нотками официальности.

Юлин взгляд впивается в сумку Любы, что на моем плече. В глазах загорается недобрый огонек. Аж кожу покалывает.

– В баньку когда идем? – совершает первый вброс Захар. – Любаша пообещала, что отлично помогает от похмелья.

– Захар, ты как всегда пьяный или с бодуна, – беззлобно смеется Юля. Потом вновь смотрит на меня и произносит: – Матвей, мы все еще друзья? – Замирает, ожидая ответа.

Глаза голубые, бездонные, рот чуть приоткрыт. Смотрит-смотрит-смотрит.

В рот я е*ал эту дружбу.

– Конечно, – подтверждаю.

Ее глаза чуть расширяются.

Юля быстрым движением облизывает губы. Вздыхает. Оглядывается.

– Мне почему-то уже трое предложили переночевать вместе. Какие-то все охочие до любви. Поэтому от греха подальше я решила, что буду тусоваться с вами. Ничего?

Пульс ускоряется.

Блть, кто?

Гашу вспышку гнева.

Покажи пальцем, кто такой шустрый.

Вдох-выдох. Она не моя, всё, табу.

– Мы можем прямо сейчас уехать, – предлагаю равнодушно.

По привычке говорю «мы». Юля замечает.

Наши глаза вновь встречаются, пару ударов сердца ничего не происходит.

Затем реальность прорезается криками ее одноклассников, которые гурьбой подходят к нам. Знакомимся, здороваемся. Руки жмем. Смеемся. Я отшучиваюсь много и добродушно. Демонстрирую бухло, что мы с Захаром привезли, как взятку. Народ аплодирует. Пусть не выпендриваются, все равно им мед не перепить.

– Если домой, Мот, я пару часов отдохну, окей? – просит Захар вполголоса. – Башка реально трещит. Потом, если надумаете, то обратно рванем.

– Всё нормально, – успокаивает Юля. – Даже приятно быть в центре внимания. И мне здесь нравится. Просто хочу присмотреться.

И смотрит строго на меня. Потом на Любину сумку.

– Конечно, останемся! – восклицает Люба. – Здесь и правда чудесно. Я столько времени потратила, выбирая именно этот вариант! Уехать было бы жестоко по отношению ко мне.

Юля переводит взгляд на Любу. Молчит. Потом вновь смотрит на меня.

Люба стоит совсем рядом, я как-то неуклюже кладу ладонь на ее плечо. В Юлиных глазах сверкает эмоция. Сильная. Острая. Что это, боль? Очередной спицей пронзает грудную клетку. Юлины глаза становятся влажными. От мороза?

Да похер! Буду я еще гадать тут, как баба!

Руки сами тянутся. Приобнимаю Юлю по-братски, прижимаю к себе так крепко, насколько только возможно через пухлые куртки, она теряет равновесие, ойкает и вцепляется в мой рукав. Выдаю:

– Ну пошли тогда, дружище, забивать комнаты. Не знаешь, на сколько они человек?

Она быстро чешет нос.

– Мне пофиг на сколько, но я буду спать с вами, – заявляет строго. – От вас я хотя бы понимаю, чего ждать.

– Так, это был комплимент или оскорбление? – уточняет Захар.

Юля закатывает глаза, а потом смеется.

Глава 13

Юля

Парой часов ранее

Все свободное время я раньше проводила с Матвеем и Любой, а больше друзьями особото и не обзавелась. Да и не стремилась в общем-то. Теперь эти двое встречаются против меня и это проблема.

Мы едем в забитом под завязку микроавтобусе. Я отлично позавтракала, чтобы не тошнило в пути. Вдобавок посасываю фруктовые леденцы и специально мало пью, чтобы не просить остановиться возле каждого кустиков.

Кто-то настойчиво толкает в плечо. Я вытаскиваю наушник, оборачиваюсь и вижу едва знакомого парня. Мы вместе ходим, кажется, на вышку. Или... нет?

– Юля, ты в какой комнате будешь ночевать? – спрашивает он.

Как тебя звать-то, любопытный чувак с курса?

– Пока не знаю, а что?

– У нас есть свободная кровать, – предлагает он искренне.

Позади взрыв хохота.

– Тише вы! Соглашайся! Будет круто.

– Да я думаю, решим на месте, – тяну неопределенно.

Нужно искать новых друзей. И быть лояльной. Ведь так?

– Юлечка, давай лучше к нам, – зовет другой парень, на этот раз из нашей группы.

– У нас нет мест, Кир.

– Подвинемся уж! Смотри, какая Юля худенькая.

– Я не худенькая, а стройная, – поправляю с мягкой улыбкой. – Худая от слова «худо».

А у меня всё отлично.

– Это правильно, – уважительно кивают парни.

– Не-не, лучше к нам! – настаивает кто-то еще.

– Соревнования устройте, – улыбаюсь я, качая головой. Чувствую одновременно смущение и волнение из-за столь обильного внимания. Отворачиваюсь.

Вроде учусь с этими людьми второй год, но со многими впервые общаюсь вне стен университета. Прикольненько. Веселые ребята.

Чертовски сложно, но я стараюсь сделать лицо попроще, быть легкой и компанейской. Как Люба. Пропеваю беззвучно: «Все любят Любу, и Матвей Адомайтис тоже!»

Следующие два часа пути парни только и делают, что спорят, кого я предпочту, предлагают бонусы. В шуточной форме, разумеется. То, что я чувствую, – не раздражение. Просто непривычно, так?

Кресло удобное, но сижу в нем как на иголках. Если уж начистоту, я всегда держалась чуть в стороне от коллектива. Выступать на сцене любила, детей обожала, но вот в таких компаниях терялась.

Но это ничего.

Ничего страшного, что у меня больше нет друзей. Ни одного.

Скоро я рожу ребенка и буду заниматься им. Кормить, купать, выносить на улицу подышать свежим воздухом. Как и все малыши, он, бесспорно, будет требовательным и эгоистичным, забирающим все время и внимание мамочки. Там еще гены Матвея отпечаток оставят, наверное, обостряя ситуацию.

Улыбаюсь почему-то. В последние дни мысли о ребенке не пугают, а, напротив, становятся опорой и придают сил. Может, примирилась просто?

Кто-то рассказывает тупой матерный анекдот, следом раздаётся взрыв хохота. Я тоже хихикаю, стараясь втянуться.

Кажется, беременность усугубила ситуацию. Я хочу домой.

Фух. Ладно. Насижусь еще в четырех стенах. Пихаю последний леденец в рот.

– А мне можно? – спрашивает всё тот же парень позади. Вновь тычет мне в плечо.

Ну как же тебя звать-то? Кто-нибудь, помогите! Хелп!

– Это был последний.

– Я не брезгливый, согласен на твой. Люблю полизать.

Э-э-э. Это не слишком?

– Самой мало! – хихикаю и отворачиваюсь.

Я буду достаточно молодой мамой. Когда дочке или сыну исполнится пятнадцать, мне стукнет всего тридцать четыре. Интересно, мы сможем дружить? С другой стороны, очень не хотелось бы стать одной из тех молодящихся теток с наколотыми губами, которые одеваются в рванье, употребляют словечки типа «краш» и считают, что на одной волне с подростками.

Бр-р-р. Неприятно ежусь.

Нет, наверное, дружить нам все же не стоит. В нашей небольшой семье я буду взрослой. Той, кто двести раз в день заверит, что любит. Еще – научит кататься на роликах, а потом будет дуть на разбитые коленки и обнимать, когда это необходимо, плюс не менее трех раз в день просто так. А зачем нужна мама? Уж точно не указывать, как жить, с кем встречаться и что делать.

Я буду как Матвей, который постоянно прижимал меня к себе, поначалу вызывая своими действиями недоумение, а затем каким-то непостижимым образом превратив их в жизненно необходимый ритуал.

Когда тебя обнимают, это значит, что ты кому-то очень сильно нравишься. Меня уже два месяца никто не обнимал.

Я думаю о том, что скоро на свет появится объект для ласки и нежности. Обойдусь без друзей.

Вновь оборачиваюсь и понимаю, что парни все еще обсуждают, с кем я буду ночевать. Причем к спору подключились некоторые девчонки и активно подкидывают варианты. Не слишком ли это?

Я начинаю беспокоиться. Задаю наводящие вопросы и выясняю, что комнаты в домиках по два, три и четыре человека.

Девчонки, которых у нас в потоке немного, за прошлый год умудрились сродниться и теперь заранее распределили, кто с кем будет спать. Даже жребий бросали. Вау.

Получается, все эти разговоры были на полном серьезе?

Честно говоря, я не ожидала, что такие вещи нужно планировать за неделю: мы ведь не в детском лагере.

Получается, что я и правда остаюсь как бы одна, при этом в окружении поклонников.

На улицу выхожу в легком недоумении. Кроме того, меня немного мутит из-за долгой поездки.

Матвея нахожу глазами почти сразу и в первую секунду облегченно выдыхаю. Хорошо, что он здесь! Мелькает мысль: вдруг он специально увязался за Любой, чтобы присмотреть за мной? Идея озаряет яркой вспышкой и согревает пуховым одеялом.

Тут же себя одергиваю. Вряд ли.

Они с Захаром и Любой стоят у черной БМВ и смеются. Им весело втроем. Доехали с комфортом.

К огромному сожалению, выглядит Матвей шикарно. Высокий, спортивный. Чуть смуглая кожа, к ней загар прилипает моментально и держится круглый год. Это у Адомайтисов семейное. Как и темные глаза. Потрясающая улыбка. А на плече у Мота висит сумка Любы.

Я как вижу это, больше ни о чем думать не могу. Глаза наливаются кровью.

Иногда кажется, что, если бы я не носила ребенка, сошла бы с ума от тоски по мудаку Матвею Адомайтису, как то жуткое чудовище в сказке о токсичных отношениях.

Я капец как по нему скучаю, Господи! Что абсолютно ненормально, учитывая обстоятельства.

И вот Матвей ведет нас с Любой в сторону домиков. На его левом плече Любина сумка, правой рукой он приобнимает меня. По-дружески помогает не увязнуть в пушистом снегу. Захар плетется позади.

Я говорю:

– Комнаты все распределены, оказывается. Нужно было заранее бронировать, как отели в разгар сезона в Сочи. Кто бы мог подумать?

– Об этом неделю трещали в чате, – вставляет Люба. – Юль, в облаках витаешь? Все в курсе были.

Нет, ну какая она душнила! И как я не замечала столько времени?

– Я не читаю чаты, ты ведь знаешь. Там всегда сотни сообщений не по теме.

– Ну и кто тебе виноват? – бросает Люба в пустоту.

В глаза не смотрит. Либо стыдно, либо трусит. Скорее всего, второе, по этой же причине она ничего не сообщила Матвею про таблетки. А Люба ему не сообщила, иначе бы он вел себя иначе. Если уж решилась на войну – шла бы до конца. Как я.

– Перераспределим, какие, блин, проблемы, – перебивает Матвей весело. У него, кажется, прекрасное настроение, и подобные мелочи мало волнуют. – Люба, показывай, где что. Не терпится уже в баньку. Девчонки, взяли купальники? Лично я свои плавки забыл.

– Серьезно? Пойдешь без? – Я приподнимаю брови, а потом против воли смеюсь.

Он пожимает плечами и улыбается:

– Думаешь, идея не очень?

Глава 14

Через пару минут мы заходим в главный, самый большой корпус и начинаем стягивать куртки.

Вокруг все деревянное: и пол, и потолок, и стены, и мебель. В гостиной – огромная искусственная елка до потолка, украшенная дешевыми бумажными гирляндами. Переходник рядом утыкан вилками с небезопасно торчащими проводами.

Я изгибаю бровь и говорю вслух:

– Бли-ин! Надеюсь, не загоримся. Лично я бы на ночь поставила часового.

Все, кто услышал, громко смеются. Кроме Матвея. А хотелось бы, чтобы мое остроумие оценил именно он. Люба фыркает: «Ей ничего не нравится!», но на этом всё. Она никогда не умела держать удар.

Мы поднимаемся на второй этаж и бросаем вещи в свободную комнату с двумя кроватями. Застываем, смотрим. Нас по-прежнему аж четверо. А еще мы дружим.

– Кто же будет здесь спать? – театрально спрашивает Захар. И сразу же добавляет: – Пожалуй, я. Фигово мне, не обессудьте.

Он падает на койку и принимает позу эмбриона.

– Тебе помощь нужна? – уточняет Матвей.

Я решаюсь посмотреть на Мота и понимаю, что тот выглядит обеспокоенным. Немедленно хочется что-то сделать, чтобы сгладить ситуацию и помочь. Следуя порыву, подхожу ближе и присаживаюсь на корточки.

– Захар, ты как? Заболел? – спрашиваю осторожно. – Давай я лекарства поищу? Только скажи, что нужно, вы тут самые медики.

Захар приоткрывает один глаз и смотрит удивленно.

– Ты плачешь? – пугаюсь я.

– Да. На вас троих без слез не взглянуть. – Он ржет в подушку. – Всё норм. Просто поплю. Окей?

– Юля, пойдем, – говорит Матвей. – Он большой мальчик, знает, что делает.

– Хорошо, ладно.

Мы втроем выходим в коридор и спускаемся по лестнице. Каждое движение, взгляд и слово кажутся значимыми. Мы не были в одной компании, не будучи в паре. Я смотрю на Матвея как будто другими глазами. Вообще, все очень сильно изменилось.

Я думаю о том, что, возможно, сегодня скажу ему о беременности. Открою рот и произнесу: «Между нами все кончено. Но я не буду препятствовать твоему общению с ребенком, если вдруг у тебя появится такое желание».

Без Захара углы треугольника становятся особенно острыми. Я по инерции кладу руку на низ живота, где находится объект будущих обнимашек. В настоящем мне их адски не хватает.

– Что с ним, Мот? – спрашиваю громче. – Я клянусь, у Захара слезы были на глазах.

В этот момент со второго этажа сбегает Кристина, обгоняет нас, спешит куда-то и грандиозно поскальзывается! Матвей не теряется и ловко ловит. Грохот стоит! Я на пару шагов отступаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.